

ОГОНЁК

№ 25 ИЮНЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В НОМЕРЕ:

П. Бровка, А. Гидаш, Е. Долматовский, Бор. Ефимов, П. Железнов, Б. Полевой, К. Симонов, С. С. Смирнов, И. Эренбург

Автозаводцам есть чем поразить воображение своих гостей.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 25 (1774)

18 ИЮНЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НАША МАРКА

...Ранним утром девятиклассники 133-й школы города Горького собрались у главной проходной автозавода. Какой же он, этот автозавод, выпускающий из своих главных ворот так хорошо знакомые «Волги», «Чайки», газики?

В сборочном цехе ребята увидели, как каждые несколько минут сползают с движущейся ленты конвейера новенькие автомобили.

— И это делают наши ребята? Из нашей школы?

— Не все уж только они, мы им немного помогаем,— шутит мастер.

Школа № 133 первой в городе перешла на одиннадцатилетнее производственное обучение, и поначалу самые, казалось бы, простые вопросы ставили в тупик. Ну как, например, начинать школьникам работать на заводе? Первое время их прикрепляли к рабочему-инструктору. Но ведь у завода своя жизнь, своя большая производственная программа. Вот и получалось, что ребята только стояли около рабочего, только смотрели, как тот работает. Такая «заспинная» практика не могла принести настоящей пользы.

И вот рядом со школой в бывшем механическом корпусе автозавода оборудованы учебные цехи, где ученики девятых и десятых классов готовятся к работе на производстве, под руководством опытных мастеров овладевают специальностями. Одиннадцатиклассники два дня в неделю трудятся в инструментально-штамповом корпусе. «Завод в заводе» — так называют его рабочие. Здесь стоят замечательные современные станки, станки-автоматы, станки с программным управлением. В корпусе своя литейная, своя кузница. В конце одиннадцатого учебного года — экзамен, «защита на разряд». Сначала в цехе выполняют контрольные задания, а потом перед комиссией, куда входят опытные мастера, школьники отвечают на теоретические вопросы. Теперь, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР об улучшении производственного обучения учащихся средних общеобразовательных школ, вместе с аттестатом зрелости ребятам вручат и свидетельства, где будут указаны специальность и присвоенный разряд.

Третий раз школа выпускает одиннадцатиклассников. По-разному представляют себе ребята будущее. Но как бы ни сложились их судьбы, куда бы ни забросила их жизнь, всегда, увидев машину, сделанную на Горьковском автозаводе, они с гордостью скажут: «Наша марка».

Л. КАФАНОВА,
Д. УХТОМСКИЙ

Да, много надо знать теперь «простому рабочему».

Хорошая это профессия — токарь! Полюбил ее и Виталий Кузнецов.

А раз в месяц, пожалуйста, к окошечку кассы.

В президиуме митинга дружбы между народами Советского Союза и Индонезии.

БОЛЬШОЙ ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Советские люди сердечно принимали на своей земле выдающегося государственного и политического деятеля Азии — Президента и Премьер-Министра Республики Индонезии доктора Сукарно.

10 июня в Большом Кремлевском дворце состоялся митинг дружбы. Неутомимого борца за мир тепло приветствовали представители советской общественности.

В этот же день Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР устроили прием в честь дорогого гостя. В знак уважения к советскому народу доктор Сукарно наградил Л. И. Брежнева высшим орденом своей страны — Звездой I класса. Героем земли назвал Президент Индонезии первого космонавта Юрия Гагарина, вручая ему высокую награду — Звезду II класса.

Визит доктора Сукарно — лучшее подтверждение слов Н. С. Хрущева о том, что «ни различия в общественно-политических системах государств, в традициях и обычаях народов, ни огромные расстояния, которые их разделяют, не являются помехой для установления и развития искренней дружбы и тесного сотрудничества».

После вручения орденов

Фото С. Раскина и А. Гостева.

Форум советских ученых

Большой Кремлевский дворец. Здесь собрались участники Всесоюзного совещания научных работников — выдающиеся ученые, имена которых знает вся страна: энергетики, машиностроители, физики, химики, математики, представители биологической, сельскохозяйственной, медицинской науки, науки о Вселенной и Земле... Обсуждались вопросы, связанные с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР».

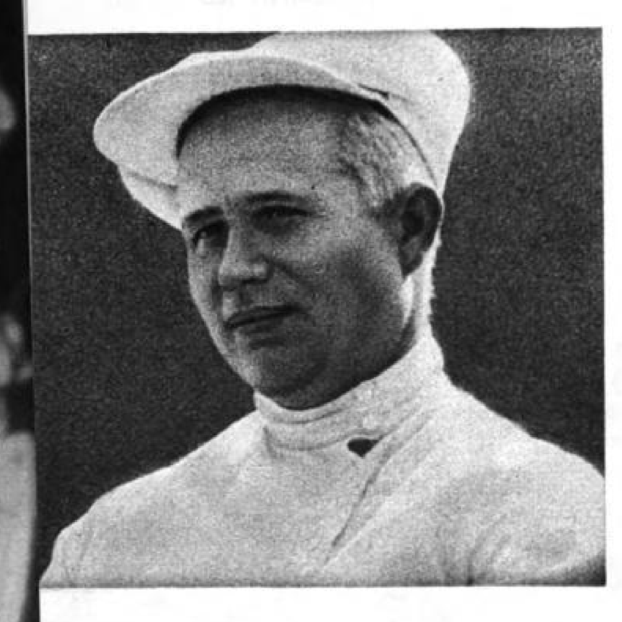
Творческий труд советских ученых, инженеров и рабочих проложил дорогу в космос, покорил могучую силу атома, преобразует природу. С высокой трибуны Всесоюзного совещания ученые всех союзных республик говорили о новых горизонтах и просторах, которые открылись теперь перед советской наукой.

Создание материально-технической базы коммунизма требует активного участия ученых в решении проблем, связанных с дальнейшим всесторонним развитием производительных сил нашей страны.

Высокий форум советских ученых по-деловому, на широкой основе обсудил назревшие вопросы советской науки, наметил практическое их разрешение и быстрейшее внедрение в жизнь.

Фото Е. Умнова.

ВСЕГДА С НАРОДОМ

«Среди миллионов людей, строящих на земле новую жизнь, живет и этот человек». Так начинается фильм «Наш Никита Сергеевич» — фильм о выдающемся деятеле Коммунистической партии и Советского государства, пламенном борце за мир [1].

В прошлом донецкий шахтер, сегодня он руководитель первого в мире государства рабочих и крестьян. Черты человека труда присущи ему. Вот почему советские люди называют его НАШ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ.

Среди десятков тысяч метров киноленты государственного архива создателями фильма найдены яркие и волнующие исторические кинодокументы. Мы видим, как на различных этапах строительства социализма в нашей стране Н. С. Хрущев отдает этому великому делу всю свою кипучую энергию, жар души, целеустремленность пламенного ленинца. И на строительстве метро, и в больнице у постели рабочего, и на скромном новоселье в трудовой семье он с народом, он в народе.

С первого дня Великой Отечественной войны Никита Сергеевич участвует в крупнейших сражениях.

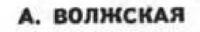
...Через час танкисты принимают бой; от имени Коммунистической партии говорит с ними Хрущев о Родине... о долге... о победе...

Впервые показаны кинокадры о летчике Леониде Хрущеве — сыне Никиты Сергеевича. Только недавно они были опознаны в архиве...

После Великой Отечественной войны Н. С. Хрущев возглавляет всенародную борьбу за восстановление фабрик, заводов, шахт, городов, сел, разрушенных фашистскими захватчиками. По его инициативе осваиваются целинные земли, оснащаются новой техникой совхозы и колхозы, воспитываются герои колхозного строя...

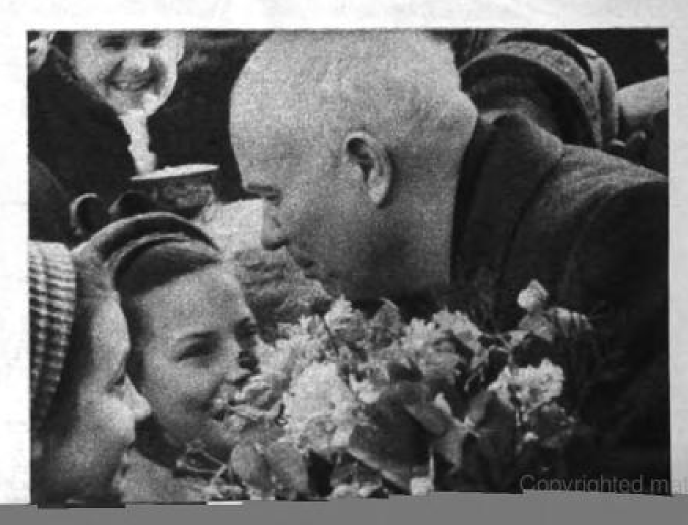
Выполняя волю советского народа, Никита Сергеевич посетил за последние годы многие страны. Пламенный оратор, острый полемист, человек, полный обаяния, Хрущев завоевал любовь трудящихся всего мира. Человек большой нравственной силы, он близок народу, он наш!

А. ВОЛЖСКАЯ

[1] Производство Центральной студии документальных фильмов. Сценарий В. Захарченко. Режиссер И. Сеткина.

Это увидят в Лондоне

Лондон. Огромный выставочный павильон — Эрлс Корт. Сюда несколько месяцев назад приезжала группа советских товарищей, для того чтобы посмотреть здание, где с 7 по 28 июля будет проходить Советская промышленная выставка. Павильон грандиозный. 25 тысяч квадратных метров отведено для экспозиции Советского Союза.

Как же оформить выставку в таком помещении, как разместить больше 10 тысяч экспонатов, чтоб зрители не устали от осмотра? И главный художник советской выставки Р. Р. Кликс начал прокладывать маршрут в две с половиной мили будущим посетителям.

Лондонцам трудно будет узнать внутри такое, казалось бы, знакомое здание. Обычно на выставках, которые устраиваются здесь часто, расставлены стенды — рекламы различных фирм.

Советские художники в этом большом и высоком помещении построили свой город, где залы — улицы, площади и переулки — решены в разных объемах и цветовых гармониях.

Как хороший режиссер разводит на сцене актеров, создавая наиболее выразительные мизансцены, так и наши художники, располагая экспонаты, думали, где остановятся зрители дольше, что они захотят потрогать руками и на что посмотреть издали, где сделать более низкие залы, с тем, чтобы следующий показался выше, как «вырвать» светом — обратить особое внимание на важную деталь, а затем дать отдохнуть глазу при спокойном матовом освещении...

Немало впечатлений унесут с собой лондонцы, которые познакомятся с достижениями советской промышленности, сельского хозяйства и науки. Им предоставится возможность даже побывать в океане на глубине 9 тысяч метров. Зал — тоннель. Через его стены и потолок проникает мягкий, слегка колеблющийся свет, медленно проплывают диковинные жители океана, найденные недавно советскими учеными. Фантазия художников плюс электрические эффекты создают удивительную иллюзию — как будто вы находитесь в толще глубинных вод совсем рядом с их невиданными до сих пор обитателями.

Из одного таинственного мира, который успешно познают советские ученые, посетители сразу попадут в другой — космический. Круглый зал — вытянутый в высоту барабан — затянут черной материей и зрительно не имеет объема. Вверху в центре зала вращается земной шар. Вспыхивающие вокруг него траектории полетов искусственных спутников Земли и первых космических кораблей освещают зал. На пяти киноэкранах пройдут документальные кадры — завоевание космоса.

...Лондонцы полюбили советский цирк. И поэтому на выставке есть веселый зал, посвященный этому искусству, где под самым куполом выполняют стремительно-сложные упражнения на трапециях эквилибристы. Вы не сразу признаете в этих отличных спортсменах... кукол.

На экране Москва. Пестрая, разноликая толпа — всегда куда-то спешащие пешеходы на улице Горького. На подмостках идет демонстрация туалетов — что модно в нынешнем сезоне у советских женщин. Прямо с зимних улиц русских городов, с бала в Кремле, перешагнув киноэкран, придут к женщинам Лондона советские девушки, чтоб показать, каковы модные зимние пальто и вечерние туалеты.

В каждом зале, за каждым экспонатом видишь, ощущаешь созидательную силу советского человека, его желание жить в мире со всеми народами.

Н. СВЕТЛОВА

В зале «Космос».

УСПЕХ

Пять советских боксеров — чемпионы Европы.

Он не был неожиданным, не был случайным, этот успех. Случай в спорте редко помогает, тем более, когда соревнование идет на высшем спортивном уровне.

Кто наблюдал внимательно за боями на ринге последнего всесоюзного первенства, тот понимал: наш бокс выйдет в Европе вперед.

Техника и тонкая, умная игра на ринге — это приносит победу. Наши лучшие мастера и их тренеры пошли по этому пути. Бездумный напор ради напора, болезнь, которой страдали одно время многие наши боксеры, осталась позади. И, пожалуй, самое отрадное, что молодежь, пришедшая на большой ринг, хорошо разбирается в искусстве ведения боя.

Нам никогда еще не удавалось добиться такого успеха на европейском чемпионате по боксу. Матчи в Варшаве, Берлине, Праге, Люцерне приносили боксерам СССР две-три золотые медали. Почетные звания чемпионов Европы завоевали, начиная с 1953 года: Олег Григорьев, Владимир Енгибарян, Геннадий Шатков, Альгирдас Шоцикас, Андрей Абрамов.

На этот раз в Белграде советские боксеры были, бесспорно, хозяевами европейского ринга. Восемь наших соотечественников вышли, как известно, в финал, уверенно пройдя испытания труднейших встреч с опытными мастерами Италии, Польши, Англии, Франции и других стран.

Восемь в финале — это уже серьезная победа. Значит, только два участника соревнований из десяти не дошли до решающих поединков.

Можно себе представить, как волновались в день последних матчей тренеры сборной — Виктор Иванович Огуренков и Александр Александрович Чеботарев. Ведь бывает и так, что идет все хорошо и вдруг...

Не произошло этого «вдруг».

Пять чемпионов Европы 1961 года — таков хороший итог соревнований в Белграде. Москвич Сергей Сивко, рижанин Алоиз Туминьш, каунасец Ричард Тамулис, москвичи Борис Лагутин и Андрей Абрамов стали обладателями золотых медалей. Кроме нашего могучего тяжеловеса Андрея Абрамова, все имена новые, молодые. Это представители того поколения, которое сегодня владеет рингом, владеет, как очевидно, со знанием дела!

И тоже, конечно, не случаен один хорошо запомнившийся эпизод. Это произошло на товарищеском футбольном матче «Гремио» (Бразилия) — сборная клубов СССР. Диктор объявил по радио о действительно блестящем успехе советских боксеров в Белграде. Стотысячная аудитория долго, дружно, сердечно аплодировала смелым и мужественным мастерам.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Советские боксеры после победы в Белграде.
Фото О. Шевцова.

СВЯЩЕННАЯ, ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

22 июня 1941 года! День этот вошел в историю человечества как день черного вероломства. Гитлеровская Германия, имевшая с Советским Союзом договор о ненападении, преступно и подло напала на нашу Родину.

Первый период войны был для нас несчастен. Жестокий, сильный и коварный враг почти дошел до Москвы. Мы потеряли Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтику, Ленинград был взят в кольцо блокады. Но в этих бедствиях и страданиях сказался великий, несокрушимый дух нашего народа, который не склонил головы под тяжестью нанесенных ударов, не пал на колени, а, стиснув зубы, напрягши все силы, вступил в беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть, явив всему миру пример доблести и героизма, упорства и мужества.

Отстояв Москву — сердце нашей Родины,— развеяв легенду о непобедимости гитлеровской армии, покорившей всю Европу, мы сполна отплатили врагу, нанеся ему сокрушительные удары под Сталинградом, на Курской дуге, завершив войну освобождением Польши, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, штурмом Берлина.

Мы понесли большие жертвы, но добились победы величайшего исторического значения. Вклад, внесенный советским народом в дело разгрома фашизма, этого исчадия зла и тьмы, безмерен, неисчислим. Усилия всех наших тогдашних союзников по оружию не могут идти ни в какое сравнение с тем, что свершено нашим народом.

После войны карта мира решительно изменилась. Освобожденные народы Восточной Европы подняли над своими странами знамя социализма. Отзвуки исторической победы советского народа раздались по всему свету. Великий Китай свалил ярмо империализма и компрадорской буржуазии со своих плеч и пошел по пути социалистического созидания. Лагерь социализма вобрал в себя почти половину всего человечества. Затрещала по всем швам система колониального рабства, капиталистического угнетения и эксплуатации. Советский Союз стал для всего мира светочем правды, нравственной силы и надежды.

Мы победили потому, что во главе советского народа стояла великая, закаленная в боях партия Ленина — самая честная и боевая партия на земле. Мы победили потому, что противопоставили врагу советский строй, созданный Лениным, родной и близкий многомиллионным массам трудовых людей. Мы победили потому, что идеалы, воодушевлявшие наш народ, были высоки и благородны. Мы сражались за добро, против зла, за свободу, против гнета, за солнечный свет, против черной ночи.

22 июня 1941 года! Начало священной, народной войны против гитлеровского нашествия! Пусть об этом дне и о том, что произошло после, помнят те, кто мечтает развязать новую войну, кто точит нож против свободолюбивых народов, кто против мира!

Всякий замышляющий зло да знает: поднятый им меч обрушится на его же голову неотвратимо и беспощадно!

ДВАДЦАТЬ

Илья ЭРЕНБУРГ

Двадцать лет спустя — это сразу вызывает в памяти заглавие занимательного романа Дюма, но я не собираюсь говорить о подвигах мушкетера д'Артаньяна. Прошло двадцать лет с того июньского воскресного утра, когда жизнь каждого из нас раскололась на две части.

Людям, родившимся в 1941 году, теперь двадцать лет. В жизнь вошло поколение, которое не знало войны.

Когда я был недавно в Италии, Пьетро Ненни мне говорил: «Наша молодежь не жила при фашизме, не видела войны. Когда им рассказывают о страшных годах, они равнодушно позевывают — для них это древняя история». Одна мюнхенская газета опубликовала очерк корреспондента, опросившего молодежь нескольких деревень. Выяснилось, что треть не знает даже, против кого воевала Германия: «против русских и поляков вместе с американцами», «против коммунистов во главе всей Европы», «против русских, итальянцев и французов». Французская газета «Экспресс», вспоминая зверства гитлеровцев, пишет: «Молодые люди не хотят даже об этом слушать — пусть их оставят в покое с бабушкиными сказками...» Мне остается добавить, что зимой, беседуя с комсомольцами о литературе, я получил такую записку: «Правда ли, что фашисты убивали детей, или преувеличение, то есть пропаганда?»

Может быть, жить без памяти и легко, но вряд ли такая жизнь достойна человека. Как ни тяжела порой память, именно она отличает людей от бабочек и культуру от первобытного прозябания.

Я хочу припомнить 22 июня 1941 года. Однако мне придется начать с других воспоминаний, более давних; моя «древняя история» будет с прологом. Я ведь познакомился с немецкими фашистами раньше, чем большинство моих соотечественников.

Я был в Германии летом 1927 года. Германия тогда казалась успокоившейся. Редко кто вспоминал о минувшей войне, и никто еще не решался громко заговорить о будущей. Модели художника Гросса, толстые бюргеры с короткими пальцами, наслаждались роскошью. Кафе и магазины Курфюрстендамм напоминали павильоны международной выставки. Случайно я попал на собрание, устроенное приверженцами Гитлера. Какой-то белобрысый крикун с розовыми остекленевшими глазами кричал, что нужно покончить с капиталистами, с коммунистами, с поляками, с русскими, с евреями, с французами. Я написал тогда в статье: «Итальянские фашисты, даже наши полуграмотные черносотенцы, пытаются что-то доказывать, аргументировать, кокетничать с логикой. Их немецкие единомышленники настолько цельны, настолько полны голого физиологического пафоса, что сухая, мозговая, книжная страна, гордая железнодорожной сетью и множеством школ, превращается в чащи пращуров со звериными шкурами и пращой».

Я снова приехал в Германию летом 1930 года. Многие немцы еще зачитывались миролюбивыми романами Ремарка, Людвига Ренна, Арнольда Цвейга. На выборах социал-демократы получили восемь миллионов голосов, коммунисты — около пяти. Я плыл по Рейну. Пассажиры, люди с горделивой осанкой и с бритыми затылками, при виде колоссальной статуи Германии, по их мнению выражавшей мощь империи, вопили «ура». Они кричали добрый час. Во Франкфурте я увидел первую демонстрацию фашистов. Десять тысяч людей беснovались на улицах: вчерашние фельдфебели и завтрашние эсэсовцы, мелкие чиновники и студенты, безработные и люмпенпролетарии, добрые отцы семейств и сутенеры буйно приветствовали фюрера.

В январе 1931 года меня повели в пивнушку, где собирались нацисты. Было трудно разглядеть лица от едкого дыма дешевых сигар. Кто-то кричал: «Мы должны воевать, это — дело чести, это — дело нации!..» Одни говорили, что нужно уничтожить французов, другие предлагали двинуться на «красную Россию». Они еще не знали, кого убивать, но понимали, что без убийств им не прожить.

Осенью того же года я видел, как несколько фашистов возле Александерплац застрелили человека; он не был ни капиталистом, ни евреем, ни французом — он был немецким рабочим-коммунистом.

Я не стану рассказывать о том, как Гитлер пришел к власти, как жгли на кострах книги и оцепляли проволокой первые концлагеря: я говорю только о том, что я видел своими глазами.

В декабре 1934 года я поехал в Саарский район как корреспондент «Известий»: там проводили плебисцит о присоединении к Германии. Я снова увидел кровь на мостовой: в поселке Гаустад фашисты убили шахтера. Пожилая дама, супруга коммерции советника фон Воппелиуса, поучала девушек: «Опустите левую руку и подымите правую, прижав пальцы один к другому, потом восторженно воскликните: «Хайль Гитлер!».

В 1935 году в пограничном городе Вервье я встретил немецкого коммуниста, которому удалось бежать из концлагеря; он рассказывал, как его пытали.

Тогда же в Шлезвиге я услышал фашистские песни: «Кто из нас не пойдет в бой, если Гитлер нас поведет? Вот что называется маршировать, когда Гитлер нас ведет! Стреляй! Дорогу нам! Дорогу! Когда гранаты начнут грохотать, сердце будет в восторге смеяться. Да, вот что называется маршировать, когда Гитлер нас ведет!»

Потом была Испания. В феврале 1937 года на городок Пуэртольяно, возле Сьюдад-Реаль, далеко от фронта, были сброшены бомбы: убили нескольких женщин, игравших на улице детей. Самолет сбили. Один человек из экипажа, а именно фельдфебель Гюнтер Лонинг, отделался ушибами. Я был при его допросе, и когда допрос кончился, я спросил его: «Почему вы бомбили Пуэртольяно?» Он спокойно ответил: «Мы проверяли действие бомб, сбрасываемых с различной высоты». «Почему вы приехали в Испанию?» «Я солдат и подчиняюсь приказу». «Неужели вы не задумались, почему вас послали в Испанию?» «Немецкий солдат никогда не думает...»

Недели две спустя я разговаривал с обер-лейтенантом Отто Винтерером. Перепуганный, он бубнил: «Ничего не скажешь — прогадал»,— но вскоре увидел, что никто его не собирается убивать, и, ухмыляясь, сказал: «Фюрер нас не оставит — мы еще можем пригодиться...»

Я видел горе Испании, расщепленные города, тела убитых детей. Многое в жизни забываешь, но этого не забыть...

Я был в Париже, когда туда вошли немецкие дивизии. Об этом я писал в романе. Скажу теперь только о том, о чем я не мог написать в 1940 году: я днями бродил по Парижу, заходил в кафе, разговаривал с немцами; они меня принимали за француза; все в один голос повторяли: «Вот скоро мы почистим Россию, нужно там навести порядок...»

Я вернулся в Москву 29 июля 1940 года. Проехал я через Германию, три дня был в Берлине и наслушался многого. Я пытался рассказать всем, кому мог, что фашисты на нас нападут; это была пора, когда люди не очень-то любили откровенные разговоры. Мне отвечали, что я пристрастен — слишком долго прожил во Франции. Один из руководителей Союза писателей обозвал меня «близоруким антифашистом» — выражение было модным. (Правда, именно тогда я обзавелся очками, но это было связано с возрастом, и очки я приобрел для дальнозоркого.)

Меня поражали беспечность, благодушие. В записной книжке я отметил такой эпизод. 1 марта 1941 года я должен был читать главы из романа «Падение Парижа» в Доме кино. В перерыве мне объявили, что пришел советник германского посольства, который хочет меня послушать. Я запротестовал. Меня уговаривали; девушка, сотрудница ВОКСа, изумлялась: «Ну как можно так?.. Понятно, что его заинтересовала тема... Но он вообще очень культурный, любит литературу... Потом, что скажут там?». И она показала на люстру. Я отвечал, что вечер закрытый и что если в зал войдет гитлеровский дипломат, я уйду. После этого меня перестали приглашать на вечера. Начались трудности с романом: «Вот у вас говорят: «Это фашист». Я отвечал: «Но ведь это говорят французы в 1934 году о французе...» «Несущественно. Поставьте вместо «фашист» «реакционер»...

Стояла жаркая летняя погода. В субботу вечером был сильный дождь. Москвичи собирались провести воскресный день за городом. Рано утром меня разбудил телефонный звонок: «Война...»

Весь день по радио передавали песни; все сидели у приемников и ждали, а на радио царила растерянность, никто не знал, что сказать; вряд ли веселые песни соответствовали душевному состоянию слушателей...

Впрочем, не в радио дело. Немцы заблаговременно разработали план нападения, он назывался для конспирации «план Барбаросса». Наши части, стоявшие на границах, были захвачены врасплох. В газетах писали о коварстве гитлеровцев. Понятно, когда девушка жалуется, что любимый ее обманул. Но чего можно было ждать от подонков человечества, кроме лжи, низости и зверств?

Мы знаем, какое мужество показал наш народ. Враг был хорошо подготовлен и дошел до окраины Ленинграда, до Химок — там, где останавливались московские автобусы. Только геройством, необычайной выдержкой советского народа гитлеровцев остановили, отбросили. А потом, после долгих лет, после кровопролитных боев, советские дивизии вошли в Берлин. Это хорошо помнят все, об этом говорят в школах. Но мы помним также, что победа нам далась нелегко; война разорила страну; не было, кажется, семьи, не потерявшей близкого человека. Города отстраивают, а людей не воскрешают. Мы это знаем и ненавидим войну.

Почему я об этом пишу летом 1961 года? Не по злопамятству. Я не могу примириться с мыслью, что бациллы чумы, уничтожившей пятьдесят миллионов людей, живы, что их разводят, собираются использовать. Мысль об этом, право же, невыносима!

ЛЕТ СПУСТЯ

Я далек от всякого национализма или расизма. Кто не знает, что Германия дала миру великих ученых, философов, поэтов! Только расист, суеверно верящий в магические свойства крови, может сказать, что немец рождается фашистом или милитаристом. Но человек редко складывается наперекор среде, школе, книгам, фильмам, и я придаю огромное значение воспитанию. В Западной Германии, как и в других странах, подымает голос поколение, которое не пережило войны. Молодых могли бы воспитать так, чтобы они стали хорошими, миролюбивыми людьми, чтобы они стыдились временного затмения Германии, чтобы знали о совершенных третьим рейхом преступлениях, об Освенциме, о сожженных деревнях Белоруссии, о Лидице, Орадуре, Бабьем Яре. Но их воспитали и воспитывают иначе.

Передо мной различные учебники истории, географии. В них восхваления захватнических войн, скрытое оправдание Гитлера, рассуждения о незаконности Нюрнбергского процесса, о том, что территории, которые принадлежат Польше, Чехословакии, Советскому Союзу, должны быть «освобождены», или, говоря проще, отвоеваны. Немецким школьникам не говорят, что с 1933 года по 1945-й Германией правили злодеи-людоеды, что огромное большинство жителей Германии были вольными или невольными соучастниками злодеяний — массовых убийств гражданских лиц, стариков, детей, военнопленных. Нет, школьникам внушают, что Гитлер совершил некоторые ошибки: он, например, не послушался опытных генералов, которые были против той или иной операции, не учел холода русских зим — словом, неудачно кончил, а цели его были высокими.

В журнале «Нейе дейче шуле» рассказывается о следующей сцене, происшедшей в одной из школ Вестфалии. Учитель математики сказал детям, что русские — отвратительные существа, применил непечатное слово. Школьники зааплодировали, один крикнул: «Я хотел бы получить атомную бомбу, чтобы сбросить ее на Россию!» Таков урок математики. А что, если подобных мальчишек много? А что, если они вовремя не образумятся? А что, если в руках одного из изуверов окажется атомное оружие, которое старый канцлер выторговал у американцев? Это уже будет не дурным уроком математики в вестфальской школе, а мировой катастрофой.

Корреспондент английской газеты «Дейли миррор» недавно опросил многих школьников в Западной Германии: «Виновны ли немцы в умерщвлении шести миллионов евреев?» 14,2% отказались ответить, 51% ответили, что еще не составили мнения, 8,5% — что немцы не виноваты, 25,2% — что в известной степени виноваты евреи.

Правительство Федеративной Республики отменило параграф 131, который запрещал бывшим активным гитлеровцам служить в армии, быть чиновниками, судьями, учителями. Недавно Баденский католический союз работников просвещения протестовал против возвращения фашистов в школы: «Теперь значительное число подлинных нацистов восстановлены на своей работе в школах или занимают места в управлении. Часто может получиться, что учителя, которые подвергались преследованиям при Гитлере, теперь зависят от приказов бывших руководителей нацистской партии». (Этот протест был опубликован во «Франкфуртер альгемейне».)

Одним из видных деятелей просвещения Федеративной Республики является Теодор Маунц, в прошлом видный гитлеровец, выпустивший (уже в боннскую эпоху) «ученый» труд «Структура и права полиции», в котором он пытался обелить гестапо и называл концлагеря «превентивным заключением». Нетрудно догадаться, как такой человек понимает воспитание подростков и юношей.

Сто десять молодежных организаций сторонников реванша и новой войны объединяют двести пятьдесят тысяч юношей. Бюллетень одной из молодежных организаций «Дейче югенд дес Остенс» пишет: «Какое же поколение, если не наше, способно обеспечить, даже силой оружия, права нашей национальности? Нам не подарят нашей родной земли...»

Детей натаскивают. Что касается отцов, то мы с ними, к сожалению, знакомы, и они мало изменились.

В прошлом году я получил письмо от одного из видных дипломатов Федеративной Республики (поскольку он дипломат, я вынужден дипломатически не называть его по имени). Этот дипломат хотел мне доказать, что все граждане Федеративной Республики жаждут мира, и называл немцев «обжегшимися детьми». Этими словами он показал свое отношение к злодеяниям нацистской Германии. Вот Глобке — в прошлом автор закона «об охране расовой чистоты», который положил начало истреблению многих миллионов евреев, а ныне один из помощников федерального канцлера. Да ведь это обжегшийся ребенок, и только! Вот министр транспорта Зеебом, былой штурмовик. Не обвиняйте Зеебома: это дитя, нечаянно хлебнувшее горячего молока! А вот генерал Хойзингер, один из сподручных Гитлера, ныне председатель военного комитета НАТО. Зачем его обижать? Это младенец, вздумавший поиграть с коробкой спичек.

Посмотрим, что говорят эти милые детишки, обжегшиеся на молоке и дующие на воду. В прошлом году в Западной Германии было немало реваншистских демонстраций. В Мюнхене триста шестьдесят тысяч «судетов», то есть немцев, живших прежде в Чехословакии, устроили свой конгресс, Иозеф Штраус, военный министр Федеративной Республики, и Зеебом, министр транспорта, как подобает обжегшимся детям, произнесли зажигательные речи. Вечером состоялось факельное шествие, и Зеебом вручил эстафете германский флаг с тем, чтобы она понесла его на чехословацкую границу.

Одновременно в Бохуме восемьдесят тысяч человек демонстрировали в пользу изменения польской границы и возвращения Германии Померании. Министр фон Меркац (тоже один из новорожденных с ожогами) заявил: «Если я здесь представляю федеральное правительство и федерального канцлера,— это больше, чем внимание или протокольная вежливость. Мы сочли необходимым подчеркнуть, что федеральное правительство тесно связано с вами, учитывая всю серьезность положения, в котором теперь находится Германия».

Месяц спустя в Дюссельдорфе семьдесят тысяч человек требовали возвращения Германии Восточной Пруссии. Их приветствовал лично федеральный канцлер. Председатель организации, устроившей манифестацию, Альфред Гилле заявил: «Каждый квадратный метр на север от Немана, входивший в старые границы, принадлежит Восточной Пруссии». Он подчеркнул, что его не устраивают границы 1937 года, на которых настаивает федеральное правительство, нет, следует восстановить границы 1914 года.

Две недели спустя в том же Дюссельдорфе на грандиозном митинге шестьдесят тысяч немцев восторженно приветствовали вице-канцлера Эрхарда, требовавшего присоединения Силезии к Германии.

Различные реваншистские организации объединяют два миллиона человек, и у них триста пятьдесят газет.

Меня могут обвинить в пристрастии, в преувеличении. Дипломат, о котором я упомянул, уверял меня, что абсолютно все немцы лелеют мечту о мире. Хорошо, я приведу показание крупной газеты «Франкфуртер рундшау», которую трудно заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу: «Мы как будто сумели все забыть. Но научились ли мы чему-нибудь? Сомнительно. Кто внимательно читает заявления наших политиков, кто следит за потоком пропаганды, затопляющей наш народ, кто прислушивается к голосам массы и ее функционеров, кто присутствует на уроках гражданского образования бундесвера, тот с ужасом видит, насколько живы не только идеи национал-социализма, но также все крайности эпохи, предшествовавшей первой мировой войне и последовавшей за ее концом».

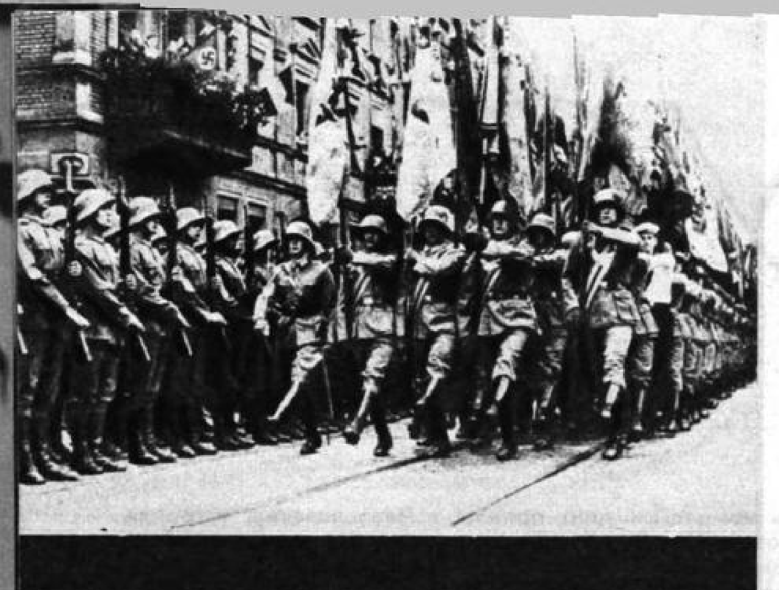
Остается добавить, что у обжегшихся детей теперь вдоволь спичек; а если говорить языком не дипломатическим, то можно сказать, что у вчерашних эсэсовцев и штурмовиков, у закоренелых милитаристов и реваншистов, у фельдфебелей с железными крестами и у сбитых с толку желторотых мальчишек не только факелы или флаги, но и ядерное оружие. Военный министр Штраус не ограничивается речами. Американский журнал «Авиэйшн уик» пишет: «Считай, что в 1962 году Люфтваффе[1] станет самой сильной воздушной армией НАТО и будет обладать ударной силой, превосходящей все армии государства НАТО, вместе взятые...»

Все ясно. Западным союзникам Западной Германии, услужливо предоставляющим свою территорию для германской армии, можно сказать: доигрались. У немецких милитаристов есть традиции: уж если швырять бомбы, то в разные стороны; они привыкли маршировать не только на Восток, но и на Запад. Конечно, канцлер любезно принимает президента Французской республики, но, может быть, стоит упомянуть, что в федерацию реваншистских организаций входит «Союз выселенных из Эльзаса-Лотарингии и стран Запада»?

Может быть, я преувеличиваю? Нет, я знаю, что старый канцлер думает больше о дипломатическом покере, чем о войне. Я знаю, что речи, даже самые необузданные, еще не атомные бомбы. Но ведь до Гитлера был Брюнинг; он и не помышлял о войне, но он подготовил путь фон Папену, а фон Папен — Гитлеру. Кстати, и Гитлер вначале клялся, что он жаждет мира, ласкал по головке белобрысых девочек и прижимал к груди незабудки.

Двадцатая годовщина тяжелого воскресенья заставляет нас многое вспомнить, о многом призадуматься. Мир изменился, и Бонн 1961 года не Берлин 1941-го. Наша страна изменилась, может быть, больше всех: мы перестали ежедневно повторять, что мы сильнее всех, но мы теперь не только сильнее, взрослее, разумнее, чем двадцать лет назад; возможно, что мы действительно сильнее всех. И все же мы полагаемся не на осторожность Штрауса, не на благоразумие Хойзингера, а на рост сознания народов. Ни один народ не хочет атомной войны. Борясь за всеобщее разоружение, за безопасность в Европе, за мир, мы хотим спасти и наших детей и детей Америки, Англии, Франции, всех стран мира, среди них детей Западной Германии. Мы не наивны, мы знаем, что значит ядерное оружие в руках немецких милитаристов; и, помня о погибших, мы даем нашим детям обещание — закрыть дорогу войне, обеспечить мир, спасти человечество.

[1] Военно-воздушные силы (нем).

Таким было начало. Сотрясается от грохота сапог нюрнбергская мостовая. Опьяненная первыми разбойничьими успехами военщина тупо уверена, что вот так, с горделиво задранными подбородками, с развевающимися фашистскими знаменами, она пройдет по всем странам, покоряя и истребляя...

Всё, что было до сих пор в Европе — молниеносные захваты целых стран с помощью их правителей, «аншлюсы» и «странные войны»,— не идет ни в какое сравнение с тем, что предстоит. Получен приказ о внезапном нападении на Советский Союз.

Сорваны пограничные заграждения. Немецкий кинооператор фиксирует «исторический момент». Ему невдомек, что подлинная история начнется несколько позже — у дымящихся стен Бреста, на заснеженных рубежах под Москвой, на разбитых улицах Сталинграда...

На мирные советские города посыпались авиабомбы. Танки со свастикой мчались на восток по зеленеющим нивам... Но расчет гитлеровских стратегов на внезапность и техническое превосходство «третьего рейха» лопнул. В конце войны преимущество в технике имела Советская Армия. Народ-герой сломал железный хребет фашистскому зверю. Оккупанты подчас заканчивали свой поход с такой «техникой»...

ПОВЕРЖЕННЫЕ ЗНАМЕНА ЗАХВАТ

ИСТОРИ

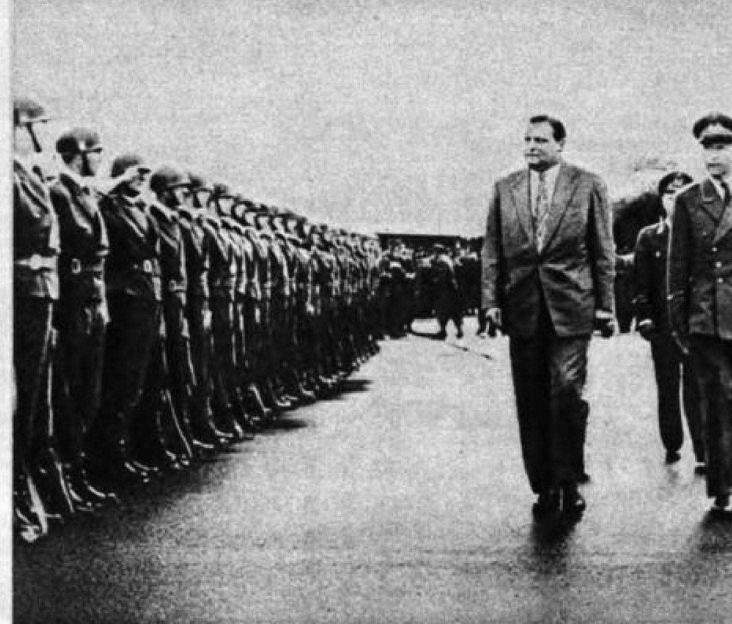
ЧИКОВ ПЕРЕД МАВЗОЛЕЕМ В. И. ЛЕНИНА.

Я УЧИТ...

И это — история. Советская девушка-регулировщица на берлинском перекрестке. Подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Захватчикам и убийцам придется держать ответ. Ответ перед всеми народами и перед Германией. Итог войны для Германии — разгром, руины, миллионы убитых...

Нет, эти солдаты не воскресли из мертвых! Они были детьми, когда кончалась война. А вот генералы действительно те же самые. Уцелевшие подручные Гитлера готовят бундесвер, чтобы повести его по дорогам прошлой войны. Рядом с генералом Каммхубером и полковником фон Лоссбергом американский генерал Эверест. Последний (в светлом кителе) скромно держится позади боннского военного министра Штрауса. Но кому не известно, что Штраус — угодливый слуга Пентагона?

Кое-кто еще не усвоил уроков истории. С гитлеровскими орденами на лацканах, со знаменами опозоренных и проклятых дивизий Гитлера маршируют они по улицам западногерманских городов. На «солдатской встрече» в Шенеберге оратор под восторженный рев недобитых головорезов провозгласил: «Наш немецкий народ должен опять стать гордой солдатской нацией».

На снимке «солдатская встреча» в мюнхенском пивном погребке «Левенбрай-келлер». Встреча носила совершенно открытый и официальный характер, в ней приняли участие около двух тысяч милитаристов, причем многие явились в мундирах НАТО. На сборище находился боннский министр хозяйства Эрхард, один из кандидатов на пост федерального канцлера.

На первом плане — председатель военного комитета НАТО, бывший гитлеровский генерал Хойзингер и генерал Пемзель, епископы Дибелиус и Лилье.

Среди милитаристского сброда мы видим и молодых офицеров, которым не пошел впрок горький опыт отцов.

Но большинство германской молодежи решительно настроено против войны. На снимке: демонстрация западноберлинской молодежи против милитаризма. На плакатах написано: «Первая мировая война — 9,7 миллиона убитых!», «Вторая мировая война — 55 миллионов убитых!», «Третья мировая война — не начнется, если вся немецкая молодежь выступит против нее!»

МОСКВА

С. С. СМИРНОВ, О. КНОРРИНГ

— БРЕСТ

Проехать по дорогам войны и рассказать об этом — такое задание мы получили в редакции.

Дороги войны! Они проходили в те годы над нашими головами в небе, наполненном гулом бомбовозов и высоким, натужным воем истребителей. Бесследные, они пролегали по волнам морей, и теперь только громады погибших кораблей в морских глубинах невидимыми вехами отмечают эти трассы мужества наших моряков. А на суше дорогами войны были каждое шоссе, каждый проселок, каждая тропка от Немана до Ленинграда, от Бреста до Подмосковья, от Волги до Эльбы. И разве в конечном счете в те трагические и героические времена не была всякая наша дорога — от берегов Тихого океана до линии переднего края — и железная, и шоссейная, и грунтовая, и речная, — разве не была она дорогой войны? Конечно, была, ибо все мы в то время жили по одному святому и памятному для нас закону: «Все для фронта, все для победы!»

Но как в любом бою есть направление главного удара, так и у войны было свое главное направление: Берлин — Москва и Москва — Берлин, — это две упрощенные географические формулы двух периодов Великой Отечественной войны, таких разных, так непохожих один на другой!

И если бы мы, подобно тому, как это делали полководцы на своих боевых картах, обозначили бы эти главные направления войны цветными стрелами, то первая, синяя — стрела вражеского удара,— начинаясь от берега Западного Буга у Бреста, уперлась бы темным острием в красную щетинку оборонительных позиций перед Москвой, а вторая, красная — стрела нашей победы,— протянулась бы от Москвы далеко на Запад, пронзая границы двух государств, накрывая собой черный кружок Берлина, до синей ниточки Эльбы, ставшей ныне границей двух миров, границей прошлого и будущего всего человечества.

Это главное направление войны и определяет наш путь. Мы проедем по дороге Москва — Брест, по тому широкому магистральному шоссе, где двадцать лет назад дважды — туда и обратно — прошла своей тяжкой поступью война, мы поедем на «свободную охоту», как говорили в годы войны наши летчики-истребители, то есть не будем ставить себе каких-нибудь жестких рамок. Просто будем ехать и смотреть, жизнь сама обязательно покажет нам многое с самой неожиданной, интересной стороны. И уж, наверное, заметим мы полустершиеся следы войны, которые еще хранит земля. Оба мы, и мой спутник фотокорреспондент Олег Борисович Кнорринг и я,— бывшие фронтовики, исходившие и исколесившие когда-то немало военных дорог.

Пасмурным, совсем не майским утром мы выезжаем на машине из Москвы. Пронзительный, сырой ветер тянет серые, лохматые облака над крышами высоких домов Кутузовского проспекта. Мы едем и спорим: где в сорок первом году кончалась эта широкая улица, где тут стояли последние дома Москвы? Как бы то ни было, ясно одно: проспект теперь протянулся гораздо дальше, за Фили, за знаменитую музейную избу Кутузова, и сейчас два огромных новых дома, заканчивающих собой улицу, стоят у самой Поклонной горы.

Поклонная гора! Ведь она тоже как бы экспонат нашей русской военной истории: отсюда Наполеон смотрел на Москву, здесь ждал и не дождался он знака покорности москвичей — ключей от города. Гитлеру уже не удалось повторить это: до Поклонной горы фашисты не дошли, хотя и утверждали, что откуда-то видят нашу столицу в бинокль. Но этой горе еще суждено связать свою судьбу с историей Великой Отечественной войны: именно здесь, на ее вершине, будет сооружен памятник неизвестному воину и загорится вечный огонь славы и скорби.

...Мелькают рабочие поселки, районы теперешней Большой Москвы. Машина набирает скорость, и мы летим мимо зеленеющих полей, темных сосновых боров, белых березовых рощиц.

Голицыно! Где-то тут проходила передовая — крайний предел немецкого наступления на Минском шоссе. Мы напрасно смотрим по сторонам: не отгадать сейчас, где именно пролегала эта историческая линия. Все заровнялось, прикрылось зеленью, и рубцы подмосковной земли теперь так же неразличимы, как не видны боевые шрамы воина-ветерана под его новой, штатской одеждой.

Уже далеко от Москвы. Впереди на перекрестке дорог встает перед нами большой памятник и в нескольких метрах от него, у самого шоссе, белая стрелка указателя: «Петрищево — 5 км».

Небольшое село Бородино навсегда введено в мировую историю грандиозным сражением, решившим судьбы Европы сто пятьдесят лет назад. Никому до этого не известный разъезд Дубосеково прогремел на весь мир подвигом героев-панфиловцев. Маленькую подмосковную деревню Петрищево сделала всесветно известной девушка-комсомолка, только что вставшая из-за парты одной из столичных школ. Вот она — на высоком постаменте, босая, с девически легкой, хрупкой фигуркой, со связанными за спиной руками и с гордым поворотом прекрасной головы.

Зоя! Сколько уже написано о ней стихов и поэм, повестей и романов! Но для нас, людей военного поколения, самым ярким произведением о подвиге девушки-партизанки остается статья, напечатанная в «Правде» в ту первую зиму войны, — газетный подвал под заголовком «Таня». Скупая, по-военному лаконичная статья фронтового журналиста Петра Лидова о подвиге неизвестной партизанки Тани до глубины души взволновала тогда всех нас.

У подножия памятника — пестрая клумба. Прислоненные к каменному постаменту, лежат свежие венки и букеты. По четырем сходящимся сюда дорогам то и дело проносятся машины. Останавливается автобус, и оттуда торопливо выпрыгивают солдаты в парадных мундирах: видно, едут на какое-то торжество.

— Пять минут, товарищи, не больше, а то опоздаем на поезд, — предупреждает их командир.

Солдаты окружили памятник и стоят молча, задумчиво. Кто разглядывает бронзовую фигурку, кто внимательно читает надпись на постаменте. Потом они сбегают с холмика к машине и уезжают. Едем и мы.

...Начинается Смоленщина — исконная русская земля с богатой и трудной военной биографией. Сколько войн здесь прошло, сколько окопов было нарыто, сколько безвестных могил скрыто в этих холмистых полях, в чаще этих густых лесов!

Справа, перед развилкой шоссе, указатель: «Гжатск». И тотчас же думы о войне уступают место совсем свежим воспоминаниям недавних дней. Запруженный толпами москвичей Внуковский аэродром, длинная ковровая дорожка от самолета к трибуне и легко, уверенно и твердо шагающий по ней навстречу своей всемирной славе молодой, стройный майор — первый человек, вырвавшийся за пределы планеты. Ну как не заехать в этот город, где рос и учился Юрий Гагарин! Но мы сразу же уславливаемся: к родителям Юрия не поедем. Их уже столько раз снимали, и, наверно, репортеры и фотографы успели основательно надоесть им за этот первый месяц, прошедший со дня знаменитого полета. Нет, мы сфотографируем тут юных земляков Гагарина, ребят, которые сейчас в том же возрасте, в каком был будущий космонавт, живя здесь, в Гжатске.

День воскресный. Маленький Гжатск многолюден, оживлен и празднично одет. Дежурный в райкоме партии пошел пообедать, и мы скучаем около машины, обсуждая возможный «сюжет» фотографии. И вдруг...

Кто-то из нас, подняв голову, замечает над крышей одного из соседних домов... космический корабль. Легкий, сделанный из серебристой жести, он укреплен на вертикальном штыре и то и дело поворачивается под ветром — флюгер в виде космического корабля. Подъезжаем туда. На двухэтажном доме — вывеска райпромкомбината. Рядом с ним — школа-интернат питомник юных гагаринских земляков. Заглянули туда: хорошо бы узнать, как появился на крыше этот космический корабль?

— У нас и свой космический корабль есть.— бойко отвечают ребята.— На первомайскую демонстрацию носили, а теперь стоит в пионерской комнате. Хотите посмотреть?

Пионерская комната большая, светлая, застелена коврами и заставлена работами школьников: моделями, гербариями, рисунками, вышивками девочек. «Космический корабль» выглядит совершенно роскошно — он раза в три больше райпромкомбинатовского флюгера, сделан из фанеры и картона и оклеен серебряной бумагой. На борту выведено: «Восток». В середине — круглое отверстие со скамеечкой для «космонавта».

— А космонавт у вас тоже есть? — в шутку спрашиваем мы и вдруг слышим вполне серьезный ответ:

— А как же без космонавта? Ну-ка, ребята, бегите за Колей!

Через пять минут появляется «космонавт» — первоклассник с веселой и смешной рожицей, конопатый и курносый. На голове у него серебряный шлем, вырезанный из простого резинового мяча, с яркими красными буквами «СССР». Нашего «космонавта» сына рабочего совхоза из деревни Струя, зовут Колей Левенковым, но мы то и дело невольно ошибаемся и называем его Юрой.

Колю усаживают в «кабину», он вооружается флажком и, с трудом сдерживая веселую, плутовскую улыбку, дает сигнал старшим мальчикам, «запускающим» его в космос. Когда этот «космический полет» перед фотообъективом был закончен, мы узнали от воспитателей еще одну новость. Оказывается, в этом самом здании, где располагается интернат, раньше была просто школа и в ней до войны учился Юрий Гагарин. Взволнованные, мы прощаемся с воспитателями, с будущими космонавтами и снова выезжаем на Минское шоссе.

...Вязьма! Здесь на широкой площади несколько лет тому назад установили большой памятник генерал-лейтенанту М. Г. Ефремову. В 1942 году, выполняя задание Верховного Главнокомандования, он со своей армией пробился в тылы врага, нанес противнику серьезный удар, но в конце концов его части были разбиты превосходящими силами немцев, и сам генерал пал смертью героя в боях за Вязьму. Над его могилой насыпан холм, и с постамента рвется вперед бронзовая фигура генерала в папахе, уже раненного, опирающегося на бойцов, но еще устремившегося куда-то в последнем смертельном порыве.

На травяном склоне холма у памятника сидят две девочки и со смаком лижут мороженое. В парке играет музыка. Против памятника — новый кинотеатр «Победа». А рядом, за оградой, другой, старый памятник, с двуглавым орлом — памятник русским воинам, павшим в сражении под Вязьмой в 1812 году. Слава недавняя и слава далекая, уходящая в века!

...К вечеру мы уже пересекли почти всю Смоленскую область и заночевали в районном центре Рудня.

В дни боев на Смоленском направлении Рудня сгорела дотла. А теперь это целый городок с крупным молочноконсервным комбинатом, с обширным рабочим поселком, где поднимаются новые многоэтажные дома.

Место это историческое, хотя, как мы обнаружили, многие жители Рудни и не подозревали об этом. В июле 1941 года во время смоленского оборонительного сражения тут были впервые в Великой Отечественной войне применены знаменитые «эрэсы» — реактивные гвардейские минометы, которые наши солдаты любовно окрестили «катюшами». Маршал А. И. Еременко в своей книге «На западном направлении» вспоминает, какие последствия вызвал этот первый залп «катюш». Немцы, ошеломленные незнакомым и грозным оружием, сразу откатились на запад на этом участке, а наши войска, которым ничего не сообщили по мотивам секретности, тоже были озадачены настолько, что слегка попятились назад, на восток. Позже «катюша» стала запевалой каждой артиллерийской подготовки, любимицей фронтовиков.

Сейчас уже многие и не знают, как родилось это ласковое название — «катюша». Автор его — какой-нибудь остроязыкий Теркин с переднего края — так и остался неизвестным. Но первоисточник был ясен всем: знаменитая, обошедшая весь мир песня Исаковского о влюбленной девушке Катюше, которая «выходила на берег», чтобы помечтать о любимом, о солдате, что «землю бережет родную». Песня эта в те годы была у всех на устах, и вот в первые же месяцы войны имя лирической героини песни Исаковского вдруг так неожиданно и прочно прилепилось к одному из самых грозных видов нашей артиллерии.

Здесь, около Рудни, и вышла в первый раз фронтовая «катюша» на берег какой-нибудь маленькой речки или пруда, спев для врага смертельную песню. Именно этот исторический факт и привел нас сюда. Конечно, было бы смешно искать тут какие-нибудь следы «катюш» сорок первого года, да и вообще нам сказали, что, кроме братских могил, никаких следов войны в районе не осталось.

Тогда у нас мелькнула счастливая мысль. Если в годы войны имя девушки так неожиданно перешло на миномет, то в мирные дни естественно вернуться опять к прежней Катюше, к той, о которой писал Исаковский, к простой, душевной русской девушке, землячке самого поэта. И мы решили: найдем в одной из деревень красивую Катюшу да и сфотографируем ее — только и всего. В память о первой «песне» военных «катюш».

Утром мы пришли в кабинет секретаря райкома партии. Он один за другим вызывал колхозы.

— Кукурузу начали сеять? Бросай все силы! Гляди, чтоб не запоздать!

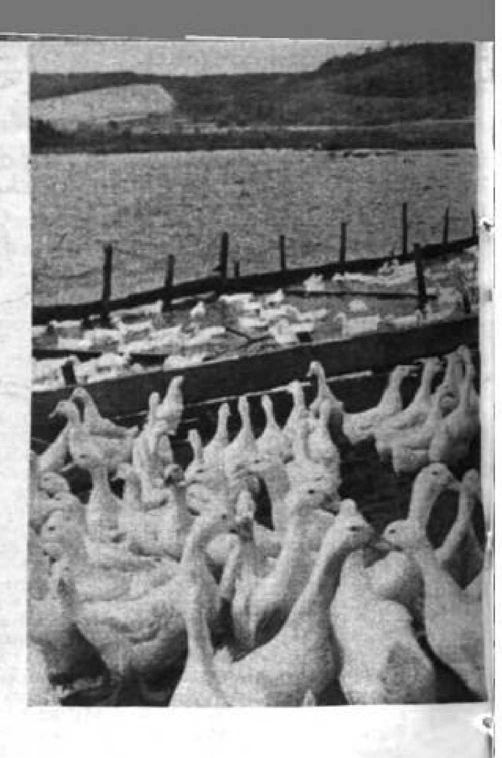
Мы с робостью поглядывали на него, опасаясь, что он просто выгонит нас с нашими просьбами о Катюше. Но секретарь, выслушав наш замысел, одобрительно усмехнулся: «сюжет» ему явно понравился. Теперь он, беседуя по телефону с председателями колхозов, неожиданно спрашивал:

— Слушай, Катюша нам нужна. Ну, девушка, да чтоб обязательно Катериной звали. Есть у тебя в деревне Катерины?

И тут внезапно выяснилась поразительная вещь: в русской смоленской деревне, где когда-то едва ли не каждую вторую девушку звали Катей, почти начисто исчезло сейчас хорошее русское имя Екатерина. Председатели колхозов один за другим отвечали, что Катерин

в деревне нету. Предлагали сфотографировать Нин и Светлан, Ирину и Наташу, расхваливали Майю и Зинаиду, но желанной Катюши не было нигде. Наконец из одного колхоза сообщили, что у них есть птичница Катя. Мы немедленно помчались туда.

Около большой птицефермы, заложенной на берегу озера только в прошлом году, но за это время уже сильно разросшейся, нас встретил представительный, осанистый мужчина в полувоенной одежде, хромовых сапогах и с офицерским широким ремнем — председатель колхоза имени Свердлова Михаил Фомченков, недавно демобилизованный из армии майор. Нашей Катюши на ферме не оказалось: она, как истинная женщина, узнав, что ее будут фотографировать, ушла переодеваться.

У Кати Бондаревой хорошее, простое и открытое лицо русской женщины, лицо, которое то и дело озаряется широкой и доброй улыбкой. Она немного смущалась, но держалась с каким-то очень спокойным достоинством, за которым явно чувствовался недюжинный женский характер, сформированный, видимо, нелегкой жизнью. У нашей Катюши за плечами были трудные годы. Она рано осталась сиротой: мать умерла, отец ушел на фронт и не вернулся, погиб где-то в боях сорок первого года. Катя Бондарева все привыкла делать сама. Ее односельчане увлеченно говорили о ней как о женщине с золотыми руками: и дочка у нее ухожена, и в колхозе она подает пример, и хозяйка отменная, и топором владеет не хуже любого мужчины — надо, так и избу поправит.

Катя работает на ферме утятницей. Мы ее засняли на самом берегу озера в окружении стаи ее белых питомиц, пекинских уточек. Получилось совсем как в песне — «выходила на берег Катюша»...

Мы уже собирались уезжать, когда выяснилась еще одна любопытная деталь: председатель колхоза Михаил Фомченков всю войну прослужил в частях «эрэс» и командовал дивизионом гвардейских минометов, то есть был самым настоящим «катюшником», как называли гвардейских минометчиков на фронте.

Жизнь опять подарила нам превосходный, узлом сплетенный сюжет.

То же самое в этот день произошло у нас и в Орше — городе большом, промышленном, с крупным железнодорожным узлом и с большим военным прошлым: здесь шли тяжелые бои и в 1941 и в 1944 году.

Но, конечно, гордостью местных жителей является легендарный партизанский командир, бывший начальник здешнего паровозного депо Константин Заслонов, героически погибший в одном из боев с фашистскими карателями. Тут, в городе, свято чтят Заслонова. На перроне железнодорожной станции его могила и над ней памятник — бронзовая фигура Заслонова, как бы приветливо встречающего многочисленные поезда, один за другим подкатывающие к новому зданию вокзала. Над крышей депо издали видны буквы: «Имени Константина Заслонова». Тут есть улица Заслонова и парк Заслонова, школы и детские сады его имени, мемориальные доски на его бывших конспиративных квартирах и, наконец, заслоновский музей — небольшой домик в зеленом палисаднике, где заботливо собрано все, что рассказывает о жизни и борьбе прославленного партизанского вожака.

Что поискать в Орше? Кто подскажет хороший сюжет? И вдруг узнаем: при оршанском железнодорожном клубе имени Кирова есть драматический кружок, совсем недавно ставший народным театром. В его репертуаре уже десятки пьес, но в последние годы он чаще всего играет пьесу белорусского драматурга А. Мовзона «Константин Заслонов». И самое интересное то, что почти все главные роли в этой пьесе играют бывшие партизаны-заслоновцы, соратники и друзья легендарного командира. Самого же Заслонова играет паровозный машинист Александр Снытко, бывший начальник штаба заслоновского «отряда дяди Кости», боевой товарищ знаменитого партизана.

Вечером мы приходим на репетицию в клуб. «Артисты» надевают костюмы, кое-кто начинает гримироваться. Стиль обращения друг с другом у них несколько своеобразен — сердечно простой, теплый, с добродушными шуточками, с привычными подтруниваниями, как у людей, съевших вместе не один пуд соли и связанных не только приверженностью к любимому искусству, но, главное, своим партизанским прошлым, нелегкой лесной жизнью и смертельной борьбой за общее святое дело. Они все время вспоминают эпизоды своей лесной жизни — то рассказывая, как неутомимый ветеран драмкружка комиссар Елена Кардовская даже в партизанском лагере в 1943 году сумела отыскать любителей и вела репетиции, то со смехом вспоминая историю какого-то кожушка, брошенного Снытко и подобранного той же Кардовской. Кожушок этот, оказывается, здесь же, слегка потертый, но еще довольно крепкий, — в нем теперь играет на сцене Кардовская, исполняющая роль медсестры Галины. Мы почтительно разглядываем этого овчинного ветерана и качаем головами: в музей бы его! А начальник гестапо, эсэсовец Нейгауз... то бишь теплотехник Солтанович... тут же заставляет Снытко-Заслонова примерить его старый кожушок, и все смеются: узковат стал, брюшко появляется у бывшего начальника штаба...

...Машина снова несет нас на запад мимо широких полей, черных торфяных болот, густых белорусских лесов. Нет, еще не изгладились с лица этой земли зримые следы войны! Мы то и дело замечаем у дороги уже едва различимые, с осыпавшимися, поросшими дерном краями щели и окопы пехотинцев, или чуть проступающие сквозь зелень очертания широкого орудийного окопа, или зигзаг старой траншеи. Фотографировать их бесполезно: объектив аппарата «не заметит» этих полустершихся, заросших военных рубцов. Но вот другое доступно и его «глазу».

Около дороги то и дело чернеют совсем маленькие озерца темной болотной воды какой-то идеально-круглой формы, словно они с геометрической точностью выкопаны человеком. По краям высокая, сочная трава, и в темном зеркале воды ярко блестит солнце. Да ведь это бомбовые воронки — следы авиационных фугасок!

Близ одной из таких придорожных воронок мы останавливаемся. Неподалеку от круглого озерца сидит на пригорочке белобородый дед в темной фуражке и с трубкой в зубах. Рядом лежит пучок ивовых прутьев, и жилистые руки старика неторопливо и сноровисто плетут корзину. А у самой воронки в сочной траве пасется несколько стреноженных лошадей. Время от времени одна из них опускает морду в черную воду воронки и, шумно отфыркиваясь, пьет. В этой залитой солнцем картине так много тепла, покоя и все выглядит таким мирным, даже сама воронка — давний след взрыва, огня и, быть может, чьей-то смерти.

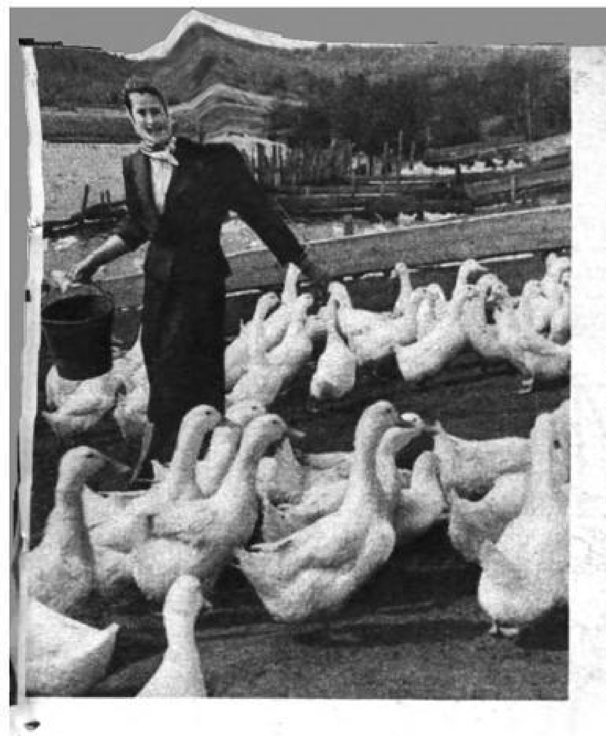
Помнится, уже за Минском, близ Барановичей, мы увидели ДОТ. Видимо, раньше он был вкопан в песчаный придорожный откос, но сейчас эта серая железобетонная коробка со следами досок опалубки, с мокрыми подтеками от недавнего дождя была подрыта со всех сторон и открывалась глазу во всей своей, надо сказать, малопривлекательной красе. ДОТ там, среди весенней зелени и ярких песчаных осыпей, как неприкаянный: казалось, люди подрыли его, поглядели, почесали в затылках да и ушли. В самом деле, старый танк, старый боевой самолет или военный корабль можно разрезать автогеном на куски и пустить на переплавку — такие картины мы наблюдали в дороге,— а на что может пригодиться в мирной жизни эта толстостенная, глухо закупоренная бетонная коробка, ума не приложишь.

Стоят на дорогах войны другие памятники. Мы много встречали их на всем пути от Москвы до Бреста.

Один из памятников произвел на нас особенно большое впечатление: он стоит в знаменитом государственном заповеднике Беловежская пуща, недалеко от Бреста, стоит на развилке лесных дорог за оградой из низенького штакетника. Тут похоронены два наших бойца-пулеметчика, оставленные прикрывать отход товарищей и на второй день войны принявшие бой с целой ротой гитлеровцев. Несколько часов не смолкал их пулемет, и, говорят, десятки солдат противника полегли на этом дорожном перекрестке. Местные жители рассказывают, что, когда бойцы были убиты, немцы не могли поверить своим глазам: им казалось, что они вели бой с целым подразде-

лением советских войск, а перед ними были тела двух молодых солдат, сумевших нанести врагу такой серьезный урон. По словам крестьян, немцы, пораженные мужеством и стойкостью советских пулеметчиков, сами похоронили их, отдав героям воинские почести и поставив на могильный холмик изуродованный, пробитый пулями «Максим».

Раньше это был глухой, пустынный угол пущи, а теперь неподалеку от могилы достраивается трехэтажное здание будущей гостиницы для туристов — и наших и иностранных. Кстати, в пути мы часто встречали иностранных туристов, путешествующих на своих машинах.

Сам по себе памятник пулеметчикам очень скромен и ничем не отличается от многих других, но надпись на нем необычная, душевная, трогательная:

«Обнажите головы! Здесь покоятся вечным сном герои Великой Отечественной войны, пулеметный расчет советских воинов, геройски сражавшихся против роты немецко-фашистских захватчиков 23 июня 1941 года.

Вечная слава героям, погибшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Волнующе проста и человечна в своей суровой торжественности эта могильная надпись. И написана-то она на маленькой железной пластинке и буквы выведены не очень ровно, а берет эта надпись человека за живое и заставляет невольно задуматься о трагической судьбе двух воинов, которым, быть может, так и придется остаться безымянными героями...

...Столица Белоруссии Минск встречает нас густым лесом строительных кранов, превосходными новыми домами на окраинах, многолюдьем шумного и зеленого центрального проспекта Сталина. Удивительно сложилась судьба этого города. До войны белорусская столица, надо сказать, была совсем непрезентабельной и напоминала старый уездный городок: покосившиеся деревянные дома, грязные улицы, заболоченная речушка Свислочь, пересекающая самый центр Минска. В годы войны город был сильно разрушен, сожжен в значительной своей части, а в послевоенное время возник в совсем новом облике, как сказочный феникс, возродившись из пепла. Сейчас его можно назвать одним из красивейших, веселых, нарядных городов Союза.

И люди здесь тоже приветливые, веселые, с интересными судьбами, с богатыми и порой осложненными войной биографиями. Об одной из жительниц Минска, с которой мы встретились, хочется коротко рассказать.

Заместителем директора библиотеки Академии наук Белоруссии работает высокая, черноволосая и еще довольно молодая женщина с быстрым, внимательным взглядом больших темных глаз. В будни она своей одеждой ничем не выделяется среди других сотрудниц академии, но в торжественные праздничные дни ее можно встретить на улице с Золотой Звездой на отвороте костюма. Это Герой Советского Союза Елена Мазаник.

Восемнадцать лет назад, в 1943 году, в одном из тщательно охраняемых домов раздался взрыв партизанской мины. Этим взрывом был уничтожен кровавый гитлеровский «хозяин» Белоруссии, рейхскомиссар этих земель, жестокий палач народа эсэсовский генерал Вильгельм Кубе. Эту мину подложила женщина-патриотка Елена Мазаник, сумевшая обмануть подозрительность настороженного эсэсовца и своей рукой свершившая над ним суд народа. Подвигу Елены Мазаник был посвящен фильм «Часы остановились в полночь», недавно прошедший по экранам страны.

После войны Мазаник окончила институт и уже много лет работает в академии. Ее хорошо знают минчане, и героиня-партизанка часто выступает со своими воспоминаниями на заводах, в институтах и школах.

Мы приходим с ней к памятному для нее дому, где жил Вильгельм Кубе. Мазаник весело шутит, смеется, и лишь по временам, когда она вспоминает дни своей подпольной работы, в глубине ее темных глаз загорается недобрый, неукротимый огонь. Это тот самый огонь, что горел в сердцах многих тысяч белорусов, заставляя их бросать обжитый дом, хозяйство и семью, уходить с оружием в леса и болота, чтобы вести там с захватчиками истребительную партизанскую войну.

...Последний пункт нашего путешествия — город Брест. Уже само это название звучит символом героизма. Из тумана минувших боевых лет вышла на свет волнующая, как легенда, история героической обороны Брестской крепости, о которой узнал теперь весь мир. Эта история олицетворена в ныне здравствующих советских людях, оставшихся в живых защитниках крепости, которые сейчас окружены всенародным вниманием и почетом.

В нынешнем году исполняется двадцать лет Брестской эпопеи, и город готовится торжественно отпраздновать эту дату. В конце июня сюда приедет большая группа участников обороны из разных городов Союза, в крепости состоится парад, закладка памятника героям и открытие музея в новом здании.

В цитадели уже нет войск, крепость лежит тихая, безмолвная, с густой, высокой травой на камнях развалин, на берегах Буга и Мухавца. Здесь и там шагают по развалинам или задумчиво стоят у мемориальных досок группы людей; наши и иностранные туристы, проезжающие через Брест, стараются обязательно побывать в крепости. И уж, конечно, жители Бреста — постоянные посетители этих священных для них руин. Вот неторопливо бродит, словно что-то припоминая, грузный, лысый и уже немолодой человек. Это участник обороны крепости, бывший полковой музыкант старшина Михаил Игнатюк, сражавшийся здесь в памятном сорок первом году. Он живет в Бресте, недавно вышел на пенсию и теперь часто проводит в крепости долгие часы, рассказывая экскурсантам о славных и трагических событиях, свидетелем и участником которых ему довелось быть.

Гуляют по крепости две уже немолодые женщины, одна — с внуком. Это жены командиров героического гарнизона — Анна Богатеева и Дарья Прохоренко. Это женщины, потерявшие здесь в сорок первом году своих родных и близких. Нередко приходят они сюда просто посидеть на развалинах, тихо побеседовать, вспомнить с грустью тех, кто встретил тут свою героическую смерть.

Брест. Как изменился он за послевоенные годы! В прошлом пыльный, глубоко провинциальный городок стал чистым, полным цветов и зелени, нарядным, быстро растущим.

Брест — это граница, это люди в зеленых фуражках, берегущие покой своей страны на ее государственных рубежах. Когда-то это была самая напряженная, самая опасная граница; через нее и перекатилась на нашу землю война. Сейчас это граница мира, покоя и дружбы, граница между двумя братскими социалистическими странами — Советским Союзом и Польской Народной Республикой.

...Мы присутствуем на встрече наших и польских пограничников. Они встретились на середине Варшавского моста, перекинутого через Буг, в том самом месте, где проходит невидимая линия границы. По обе стороны этой линии стоят наш и польский солдаты и два офицера-пограничника — советский капитан и польский поручик. Сейчас, встретившись на середине моста, они обмениваются крепким, дружеским рукопожатием, о чем-то беседуют, решают какие-то свои дела, и чувствуется, что тут привыкли решать все дела быстро, без затруднений, как это и положено братьям и друзьям.

...Быстрая полноводная река несет свои воды под широким пролетом нового пограничного моста. Густые деревья низко склоняются над рекой, отражаясь в воде. В яркой зелени травы золотые россыпи одуванчиков. Солнце ослепительно блестит на темной поверхности Буга. А вокруг тишина, покой, негромкое пение птиц да шепотное журчание воды. И молодые лица пограничников — и наших и польских — ясны и веселы. Кажется просто невероятным, что двадцать лет назад над этими дремотно-спокойными берегами в тысячи пушечных глоток яростно ревела война.

Мирная граница, граница дружбы! И невольно думается о том, как спокойно и привольно жилось бы на свете людям, если бы все границы на нашей планете стали такими же дружественными, как эта.

Да будет так!

Константин СИМОНОВ

На наблюдательных пунктах

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

До самого конца, до падения Берлина, нашей армии пришлось вести тяжелые бои с яростно дравшимся противником. Было бы легкомысленно, запамятовав прошлое, представлять себе, что после Сталинграда или даже после Курской дуги все пошло как по маслу. Нет, нашей армии еще пришлось преодолевать неисчислимые трудности и порой терпеть частные, но чувствительные неудачи. Да это и не мудрено: у нас был сильный и опытный враг. В 1945 году, уже приговоренный к смерти на Восточном фронте, он сумел перейти в наступление на Западе, в Арденнах, поставив под угрозу разгрома войска наших союзников. А с нами этот враг дрался до конца, выставив против нас свои главные силы. Он делал все, что мог, чтобы остановить нас, и не его вина, что все-таки именно мы сломали ему хребет и пришли в Берлин.

В моих записных книжках рассказывается о некоторых эпизодах наступления войск 4-го Украинского фронта северо-восточнее чехословацкого города Моравска Острава в марте 1945 года. Из многих записей я отобрал те, которые могли бы дать известное представление о происходившем в масштабе действий корпуса — армии.

В общем потоке тогдашних грандиозных событий это была сравнительно небольшая операция, однако и она потребовала большого воинского труда и умения и стоила многих жертв, перед которыми мы склоняем головы.

10.3.45

Ночь туманная, сыплет мелкий снег. Едем на наблюдательный пункт армии несколькими машинами. Пробок нет, потому что заранее провели разумную меру: на всех дорогах, в полосе наступления выдали пропуска на машины, и по ним до определенного часа можно ехать только в одну сторону. Машины идут по дороге, а у обочин в ожидании будущего ввода в прорыв стоят колонны мехкорпуса.

Наблюдательный пункт — в большом каменном фольварке. На огромном чердаке с многочисленными слуховыми окнами повсюду стоят стереотрубы и сидят наблюдатели.

Метель разыгрывается не на шутку. На горизонте стоит сплошная серо-белая пелена.

Артподготовка начинается почти сразу же, как только мы приезжаем. Все гремит и трясется, но метель такая, что видны только вспышки выстрелов с ближайших батарей. О наблюдении говорить не приходится — огонь ведется вслепую, по заранее засеченным целям.

Даже «катюши», стоящие где-то как раз сзади нас, только ревут, а полета их снарядов за метелью не видно. Артподготовка кончилась. Метель все усиливается. Теперь слышатся только отдаленные выстрелы артиллерии сопровождения да грохот немецких разрывов. Снаряды ложатся немножко правее фольварка.

То, что немцы огрызаются, — дурной признак, значит, при артподготовке не подавили их артиллерии.

Внутри фольварка, в большом затоптанном зале, толпятся шоферы и адъютанты. Петров, Москаленко и Епишев[1] сидят в примыкающей к залу жарко натопленной комнате. Когда мы входим, Петров и Москаленко говорят о погоде. Петров говорит, что на первое время это даже неплохо для пехоты — такая погода: если пехота дружно пойдет и сразу прорвет оборону, то при такой погоде вначале будет даже меньше потерь. Но если хоть немного застрянем, погода обернется против нас. Чувствуется, что он встревожен, но пробует успокоить себя.

Москаленко вызывает к телефону то одного, то другого из своих подчиненных. Донесений о продвижении пехоты, кроме доклада о том, что она пошла, еще нет — рано, и Москаленко пока что говорит главным образом с артиллеристами.

— Гоните пушки вперед! Гоните за пехотой. Чтобы не отрывались. Чтобы для пехоты, если она смело пошла вперед, не было потом никаких неожиданностей, чтобы она чувствовала вас за спиной!

И еще один разговор, уже с другим артиллерийским начальником:

— Терроризируйте противника в глубине! Вглубь, вглубь! Бейте ему связь, бейте по всем развилкам дорог! Вспомните, как он терроризировал нас в сорок первом году!

Положив на колени блокнот, я стараюсь по возможности точно записывать все наиболее примечательное в переговорах, которые ведет Москаленко по телефону.

— Я сейчас не о противнике спрашиваю! При стольких орудиях на километр фронта, как у вас, о противнике не спрашивают и не докладывают! Вы мне доложите, куда, до какого рубежа вы дошли.

И вслед за этим добавляет, поддразнивая:

— Вот и отстали, а Бондарев уже прошел через первую линию! У вас есть связь с частями? Нет, вы мне скажите откровенно: есть или нет? А я вот чувствую по докладу, что нет у вас связи. Что? Ждете, когда вам дадут заявки на огонь командиры батальонов? Заявки — это до войны было, а сейчас война! У вас артиллеристы сейчас отстрелялись, сидят и завтракают, а вы заставьте их работать теперь же! Какие у вас свед ния с переднего края? Что? Раненые вам доносят? Это же позор для нас с вами, если мы только от раненых сведения имеем! Вы мне точно скажите, где сейчас ваши части? Ах, в движении! (В голосе ирония.) Красная Армия вообще вся в движении после Сталинграда! Извольте узнать и через двадцать минут доложить, где ваши части!

Заходит речь о том, чтобы ударить по перекрестку дорог в тылу у немцев.

— Да что вы там с мелочью, с финтифлюшками возитесь! Тяжелой артиллерией накройте, эрэсами!

Петров, до этого молчавший, подает реплику, постукивая пальцем по карте:

— Вот тут сейчас, на этой развилке, у них наверняка пробка и бедлам. Если начали отступать, им больше некуда сунуться. Надо сюда ударить!

Москаленко приказывает по телефону кому-то из артиллеристов:

— Поезжайте сами, лично к такому-то,— он называет фамилию,— помогите ему наладить связь и организовать огонь. А то он до сих пор воюет по-допотопному, не современно!

После этого звонок к начальнику штаба:

— Пошлите двух толковых офицеров в 52-й корпус. Пусть будут тактично, но твердо настаивать на решительном движении. Пусть не вмешиваются, но дадут понять, что при всякой проволочке они будут непосредственно доносить сюда.

Приходит донесение, что саперы расчищают проходы для танков. Москаленко снова у телефона. Разговаривает с командиром корпуса:

— Что же вы, серьезный человек, а докладываете, как мальчик: «Правый фланг у меня еще не остановился»! А разве он должен у вас останавливаться?

Петров берет телефонную трубку с намерением позвонить к себе в штаб фронта, но ничего не говорит, а несколько минут, приложив к уху трубку, сосредоточенно слушает. Потом, положив трубку, зло говорит:

— Вот негодяй! Начальник отдела кадров звонит во время боя начальнику штаба корпуса подряд десять минут — я по часам засек —

---

[1] И. Е. Петров — командующий 4-м Украинским фронтом.
К. С. Москаленко — командующий 38-й армией.
А. А. Епишев — член Военного Совета 38-й армии.

Моравска Острава. Советская Армия входит в город. Фото М. Альперта.

и требует шесть «студебеккеров», чтобы перевезти из Ужгорода какое-то имущество его отдела. Приспичило! И это во время боя! Начальство уехало, так они воспользовались, до ВЧ добрались!

Петров снова берет трубку, вызывает к телефону начальника оперативного отдела и сердито говорит ему о провинившемся:

— Немедленно вызовите и посадите его на трое суток под арест, с отсидкой в комендатуре. За то, что отрывает во время сражения людей, занятых боем. Пусть трое суток отсидит, подумает. А машин ему не давать! Запрещаю!

Москаленко слушает по телефону чей-то доклад и, оторвавшись от телефона, говорит:

— Просит немедленно прекратить огонь по Голосовицам. Говорит, что уже захватил их.

И добавляет с улыбкой:

— Тут уж сведения точные. Тут они быстро докладывают!

Москаленко выглядывает в окно и замечает стоящие возле фольварка пушки. Через минуту по его вызову вбегает командир батареи.

— Почему вы здесь?

— Мы здесь рядом стояли на огневых.

— Стояли? А теперь почему стоите?

— Сейчас переходим на новые позиции.

— Переходите или стоите?

— Мы сейчас... уже идем. Только на три минуты остановились.

Москаленко говорит укоризненно, но спокойно:

— Не только три минуты, но и одной минуты не задерживайтесь. Пехота вас ждет. Идите. Неужели вы не понимаете этого?

Появляется первый пленный немец. Я захожу на несколько минут в комнату к разведчикам. Немец в белой куртке поверх шинели, в шинели поверх белых штанов, в белых штанах поверх форменных брюк — какая-то чересполосица белого и мышино-зеленого. Кроме того, он в калошах. Находится на той грани испуга, когда начинает казаться, что человек ко всему равнодушен. Залез во время артподготовки в блиндаж, вытащен оттуда нашими солдатами. Сообщает, что, по слухам, был позавчера перебежчик с нашей стороны, говорил о готовящемся наступлении. Тяжелое известие!

Возвращается первый офицер связи. В присутствии многочисленного начальства волнуется и путает.

— Не мельтешите, — говорит ему Москаленко. — Не путайте запад и восток. Докладывайте спокойнее.

После доклада, из которого в общем все-таки неясно, до какого рубежа дошли наши части, Петров обращается к офицеру связи:

— Вы на чем, майор, на «виллисе»?

— Так точно.

— Так вот, садитесь на свой «виллис» и езжайте по дороге до передних порядков пехоты. Догоните их. Не ищите никаких штабов, просто догоните пехоту, определите, где она реально находится сейчас, и немедленно назад!

Где-то, невидимые, наверное, за прислоненным к стене шкафом, отсчитывая время, медленно и тяжело тикают стенные часы.

Является еще один офицер связи и докладывает, что танки уперлись в болото. Сейчас, поскольку обойти заминированную зону не удалось, для них начнут расчищать проходы на шоссе.

Новое неприятное донесение. Немцы взорвали висячий мост через железную дорогу. Теперь там у нас огромная пробка, застряли и артиллерия и танки.

Москаленко с насмешливым видом говорит по телефону:

— А вы докладывайте точнее: **проходят** рощу или **подходят** к роще? Если проходят, значит, надо считать, взяли ее. А если только еще подходят, так мы поможем вам взять ее. Дадим по роще огонь двух полков эрэсов. Так как, надо или не надо? Не надо? Значит, действительно проходят?

Инженер докладывает Петрову, что материал для восстановления моста уже подготовлен и сейчас его везут к мосту, но, судя по лицу Петрова, он, кажется, не очень верит этому докладу.

Москаленко заговаривает с Петровым о мехкорпусе. Чувствуется, что ему уже хочется ввести мехкорпус в дело. Но Петров отмалчивается.

Москаленко снова садится на телефон. Во время разговора он почти не кричит, а если ругает кого-то, то главным образом упрекает и взывает к порядочности.

— Надо вводить Скворцова, а то опоздаем,—отговорив по телефону, снова возвращается Москаленко к вопросу о вводе мехкорпуса.

Но Петров снова молчит, так, будто этих слов просто-напросто не было. Он, видимо, не согласен, что мехкорпус пора вводить, но не возражает, а просто молчит.

Снова телефонный разговор.

— Сообщите мне немедленно, где кто находится! — Лицо у Москаленко сердитое и взволнованное.

— За ваши запоздавшие или преждевременные сведения мы будем каждый раз платить жизнями! Мы должны точно знать, где наши, чтоб не ударить по ним! Мы должны точно знать, где сопротивление противника, чтоб заранее подавить его!

Москаленко говорит по телефону с командиром дивизии Пархоменко:

— Почему вы развернули два полка, когда вам приказано было развернуть всего один полк, а второй ваш полк должен был у вас пройти, не развертываясь, через уже прорванную полосу? Зачем же, спрашивается, прорывать два раза и в двух местах? Смотрите, какая у вас сила и как вы неверно ее используете! На вас же только что целых десять минут триста стволов работали! Откуда вы говорите со мной? Так. Правильно. Находитесь там, где и должны находиться. А почему волнуетесь? Ничего не видно? Но противнику тоже ничего не видно. Пурга — она одна и та же и для вас и для него! А что вам в такой пурге своей пехоты не видно, так учтите: ее вообще редко видно в бою. При помощи связи надо уметь управлять. Нельзя на трупах идти вперед. Надо идти вперед на уме и огне!

Вслед за разговором с Пархоменко происходит резкий телефонный разговор с другим командиром дивизии. Заканчивается разговор горькой нотой:

— Совесть у вас есть или нет?! Раз не знаете, так и доложите мне: не знаю. И попросите срок, за который вы можете узнать то, что я приказал. Я же вас не буду ругать за то, что вы не знаете. Вы должны узнать и честно сказать. А за ложь мы жизнями расплачиваемся!

Из поступивших донесений выясняется, что на одном из флангов пехота натолкнулась на непреодоленную оборону и, не продвинувшись, залегла.

Из других донесений становится ясно, что немцы подтянули свежие силы — танковую и моторизованную дивизии.

И вообще с каждым часом накапливается все больше сведений, говорящих о том, что под давлением обстоятельств в первоначальный план наступления придется вносить коррективы.

Москаленко в нескольких телефонных разговорах подряд нажимает на своих подчиненных, требуя правдивых докладов. Он стремится точно узнать положение. Наступление затормозилось, люди мнутся докладывать об этом; он это понимает, но тем не менее желает знать истину.

Входит офицер связи в шинели, мокрой до такой степени, что кажется: метель успела превратиться в дождь.

Приходит донесение, что перед Голосовицами подорвались четыре танка.

Звуки нашего огня все дальше и слабее. Лишь изредка слышатся близкие разрывы немецких снарядов.

Жуткая мокрая пурга все усиливается.

Петров, который держался до этого с почти неестественным спокойствием, вдруг прорывается:

— Прохвосты, прогнозчики! Видимость обещали!

24.3.45

Наконец еще раз переложенное из-за погоды со вчерашнего дня на сегодняшний начинается долгожданное наступление. На этот раз удар решено наносить со сравнительно глухого лесистого направления, через город Зорау, перед которым вплотную стоят наши части.

После урока предыдущего неудачного наступления это готовили в большом секрете. Дороги под утро совершенно пусты. Все уже давно растащено в стороны и замаскировано. Лишь у самой передовой, на дороге, прикрытые утренней дымкой и замаскированные ветвями стоят чехословацкая танковая бригада и полк наших самоходок. Их вывели сюда ночью.

Начало артподготовки назначено на 8.15. Звезды уже потухают, от окружающих болот, прудов и озер тянет сыростью. Туман, оторвавшийся от земли, поражает необычностью своего вида: он висит в воздухе на уровне семи-восьми метров, словно на невидимых нитках подвешенная к небу громадная белая простыня.

Миновав танки и самоходки, сворачиваем налево и останавливаемся у трех кирпичных домов. Здесь помещается наблюдательный пункт корпуса. Передний край проходит примерно в километре. Впереди видна железнодорожная насыпь, в ней зарылись немцы, за насыпью — Зорау, но его пока что закрывает туман.

Вхожу в маленькую комнату с несколькими плюшевыми стульями и никелированной кроватью. Командир корпуса генерал Мельников полулежит на кровати, подложив руки под голову.

— Вот, валяюсь. Все готово, теперь дело не за нами, делать нечего, жду. — Он присаживается на кровати.

Тут же, в комнате, сидят начальник штаба и начальник артиллерии. Все в состоянии томительного ожидания. То один, то другой выходят на улицу посмотреть погоду. Туман все еще не рассеялся, хотя день обещает быть хорошим.

— Раньше 11 не рассеется,—угрюмо говорит Мельников.— Я еще вчера командующему фронта это докладывал.

Звонит Москаленко.

— Есть, слушаю! Есть! — чему-то радуясь, говорит в трубку Мельников и кладет ее.

— Отложено на час. Сейчас же сообщите всем, — оборачивается он к командующему артиллерией.

Потом снова хмурится и упрямо повторяет, что и в 9.15 все равно не рассеется. Не раньше чем в 11.

Видимо, эта мысль его мучает, разговор продолжает вертеться вокруг нее, пока не раздается новый звонок Москаленко.

На этот раз, положив трубку, Мельников вызывает начальника связи.

— А ну, давайте немедленно выясните, у кого в корпусе позывные «дуб — клен»?

— У меня нет таких позывных,— не колеблясь, отвечает тот.

— Тогда выясните у всех приданных нам артиллерийских частей. У кого «дуб — клен»?

— Представьте себе, — говорит Мельников, когда начальник связи уходит, — какой-то мерзавец с этими позывными только что открытым текстом сказал по радио: «Помни, через пять минут начнется».

— По-моему, и у приданных нам артиллеристов нет таких позывных, — говорит начальник артиллерии.

— Черт его знает! — пожимает плечами Мельников. — Может быть, у соседей? Они раньше нас начинают. Но опять-таки по времени не выходит. Через пять минут,— значит, в 8.10. Не понимаю!

— Может, немцы провоцируют? — предполагает кто-то.

— Если провоцируют, — плохо. Значит, догадываются.

Через пятнадцать минут входит начальник связи и докладывает, что ни в корпусе, ни в приданных частях таких позывных нет.

— Как так нет? — строго переспрашивает Мельников.

— Никак нет! — стоит на своем начальник связи.

— Ну и слава богу, что нет,— облегченно вздохнув, говорит Мельников. — Так и доложим.

Через несколько минут снова звонят, что артподготовка отложена еще на час.

— Это хорошо,— говорит Мельников.— Значит, в 10.15. А только все равно туман раньше 11 не поднимется.

Я выхожу на улицу. Туман все-таки начинает понемногу рассеиваться. Уже видны в двух километрах отсюда крыши домов на окраине Зорау.

Когда я возвращаюсь, Мельников говорит на тему о том, что, видимо, все же сегодня удастся обеспечить внезапность.

— По-моему, спрятались мы хорошо, — говорил он. — Конечно, два-три дня назад они заметили, когда мы ставили артиллерию на прямую наводку, но я приказал в тот же вечер всю артиллерию еще раз переставить. Немцы под утро стали бить по засеченным точкам. Побили-побили по пустому месту и успокоились.

Из дивизии звонят по телефону, что немцы с ручными пулеметами подходят к железнодорожной насыпи.

— Неужели все-таки пронюхали? — встревоженно говорит в трубку Мельников.— Не должно этого быть! Ладно, бейте по ним понемножку теми орудиями, что на прямую наводку стоят.

Ничего,— добавляет он, уже положив трубку.— Пусть немножко по ним постреляют: скольких-нибудь побьют — все польза. А кроме того, даже подозрительно было бы, если бы мы их наблюдали, а не стреляли!

Но через двадцать минут с наблюдательного пункта дивизии сообщают, что, оказывается, немцы не подходят к железнодорожной насыпи, а, наоборот, отходят от нее.

— Вот это уже хуже, — говорит Мельников.

Все в комнате взволнованы. Одной из причин неудачи предыдущего наступления было то, что немцы, заранее узнав о нем, перед артподготовкой оттянули части с передовой.

— Мое мнение прежнее: не должны они почувствовать! — говорит Мельников. — Но тогда вопрос: почему передвигаются? Ну ничего, через пятьдесят минут начнем. Значит, даже если отойдут на вторую линию, все равно не уйдут. Мы по первой линии дадим огонь только десять минут — и сразу перенесем на вторую. Еще неизвестно, где их больше накроет. Хотя, конечно, с психологической точки зрения плохо, если догадались заранее. Когда догадываются заранее, крепче держатся.

← Жители Моравской Остравы восторженно встречают советских воинов.

Фото М. Альперта.

Дорогой победителей. →
Фото Е. Халдея.

Невдалеке начинают ложиться немецкие разрывы. Стекла дрожат.

— Капают, — говорит Мельников.

Разрывы ложатся все чаще.

— Нет, пожалуй, что это артналет.

— Волнуются, — замечает кто-то.

— Да, начинают волноваться.

Через минуту артналет прекращается. Наступает затишье. Только на переднем крае негромко, отрывисто бьют прямой наводкой наши малокалиберные пушки.

Звонят по телефону из дивизии. Мельников, положив трубку, говорит:

— Докладывают, что бьют немцев. Падают! А часть тех, что ушли, возвратились обратно к насыпи. Ничего! Побьем! Всех!

Он произносит эти три слова раздельно, через точки и тяжело ударяет по столу кулаком.

Ровно в 9.30 где-то слева тяжело начинают грохотать «катюши», и одним вздохом ахают сотни стволов артиллерии.

— Соседи начали!

Выходим на воздух. Слева, километров за десять, все ревет и грохочет. Это начал артподготовку 52-й Бондаревский корпус с плацдарма, завоеванного им в предыдущем наступлении.

Артподготовка назначена была там на сорок пять минут раньше, чем на направлении главного удара, с расчетом на то, что немцы воспримут это как наше новое наступление с того же направления, что и в прошлый раз. Изредка среди общего гула канонады слышны редкие разрывы. Это отстреливаются немцы.

Возвращаемся в комнату. Звонит командующий.

— Предупреждает: спокойствие, спокойствие, — усмехается Мельников, положив трубку. — Боится, чтоб мы не сорвались, услышав, что соседи начали.

— 10 часов 10 минут, — среди наступившего молчания говорит сидящий на НП генерал — командир артиллерийской бригады. — Немцы еще пять минут живут, а на шестой — начинают умирать!

Начальник артиллерии вызывает в комнату еще двух командиров артиллерийских бригад — полковников.

— Приготовьтесь! Больше откладывать не будем, — обращается он к ним немножко даже торжественным голосом. — Артиллеристам взяться за шнуры!

— Есть взяться за шнуры, — отвечают полковники и выходят.

Оставшийся в комнате генерал, командир бригады, вдруг вспоминает, как на Центральном фронте один раз у них вышла целая история. Не успели всех предупредить о перемене часа начала артподготовки — два полка начали раньше времени, а вслед за ними сорвались и остальные.

— Ну и что? — спрашивает Мельников.

— Ничего, все удачно сошло.

— Потому и ничего, что удачно сошло, — иронически замечает Мельников. — А если бы неудачно, так костей бы не собрать потом тем, кто раньше времени начал. Принцип принципом, а победа надо всем царствует и все забывать заставляет.

Остается минута.

— Что ж, с богом, — говорит кто-то.

— В добрый час,— говорит Мельников. И, застегнув на все пуговицы свое кожаное пальто, нахлобучив папаху, выходит.

— Огонь! — уже выходя, говорит он начальнику артиллерии.

Тот бросается вниз, в вырытый возле самого дома котлован, где стоят рации и телефонные аппараты, и через пятнадцать секунд раздается первый чудовищный залп эрэсов. Над нашими головами летят огненные стрелы, в нескольких сотнях метров от земли превращаясь в черные стрелки, похожие издали на маленькие гантели. Это тяжелые реактивные снаряды.

А через минуту, заполняя своим голосом все пространство, за нашей спиной почти разом заговаривает тысяча артиллерийских стволов.

И в ту же минуту по шоссе мимо нас срываются вперед легкие, 76-миллиметровые самоходки. Они идут на большой скорости, и одна за другой исчезают за поворотом дороги. Впереди все гремит и рушится. Сначала еще можно наблюдать, как снаряды попадают в дома на окраине Зорау. Потом над Зорау появляются наши бомбардировщики; все сливается в одно общее зарево, над которым стоит пелена дыма и пыли. И лишь в отдельных местах, вырываясь из этой пелены, взлетают вверх черные столбы.

Штурмовики с тяжелым резким ревом, бомбя и стреляя, проносятся над немецкими траншеями у окраины города.

Вслед за самоходками по шоссе идут чехословацкие танки. На втором или третьем из них едет человек в кожанке, должно быть, командир бригады, и, сорвав с головы шлем, машет им движущейся вдоль дороги пехоте.

Я поднимаюсь на чердак дома. В стереотрубу хорошо видно, как первые переправившиеся через протекающую перед Зорау речку танки минуют первые немецкие траншеи и движутся дальше. Видны маленькие фигурки саперов, идущих перед танками с шестами миноискателей. Слева и справа от танков идет пехота, причем, как это всегда бывает во время атаки, издали кажется, что ее совсем немного.

А последние танки еще идут по шоссе. Они обложены с двух сторон фашинами из длинных веток, на броне сидят десанты, а на последнем танке вместе с десантниками примостились регулировщики с флажками: им предстоит занять первые регулировочные посты в том самом Зорау, который сейчас горит.

В стереотрубу хорошо видно, как пехота движется все дальше и дальше; вокруг нее почти нет дымков разрывов. На этот раз дело идет благополучно; немецкая артиллерия переднего края на всем участке прорыва основательно подавлена.

Минут через тридцать на наблюдательный пункт приносят первого раненого офицера. Его тащат четверо солдат, положив на плащ-палатку и взявшись за концы ее.

Еще через несколько минут приводят пленного немецкого фельдфебеля. Он подтверждает, что немцы действительно ничего не знали о нашем наступлении. Удар неожиданный, и потери от нашего огня, по его словам, большие. На вопрос о том, при каких обстоятельствах он попал в плен, он отвечает довольно неожиданно:

— Русские товарищи обошли меня с двух сторон, и я сдался. (Он именно так и говорит: «Руссише камерaден»!)

Мы садимся на «виллис» и едем к Зорау. На дороге уже начинаются пробки. Танки — вечные враги связистов — цепляются своими радиоантеннами даже за самые высоко подвешенные провода связи, а те, что висят пониже, рвут башнями и пушками.

Все пространство между нашим бывшим передним краем и железнодорожной насыпью изрыто. На поле лежат несколько мертвых на-

ших бойцов, очевидно, подорвавшихся на минах. Печальная история, без которой почти никогда не обходится...

Железнодорожная насыпь распахана артиллерией вдоль и поперек. Среди воронок лежат мертвые немцы, из вздыбленной земли торчат окровавленные обрывки чего-то невыразимого словами. За насыпью — мост через речку, который наши успели навести на диво быстро. Простучав по его бревнам, как по гармошке, мы попадаем на окраину Зорау. Здесь уже творится обычное в таких случаях столпотворение, тем более что город — узел нескольких дорог.

Саперы идут, щупая мостовые впереди танков. За их спиной грохочут танки, а за танками уже тянутся грузовики с заправкой.

Город буквально раздроблен в куски за тридцать минут артиллерийской и авиационной подготовки. Дома горят, улицы — в обломках.

Навстречу нам ведут колонну пленных. У одного из них, ефрейтора, замечаю на мундире несколько красных шелковинок. В этом месте немцы обычно нашивали ленточку, означающую, что солдат или офицер участвовал в зимней кампании 1941 года. Видимо, этот испугался и наспех сорвал ленточку, забыв выдрать шелковинки.

На выезде из Зорау, на перекрестке дорог, стоит столб с надписью на немецком языке: «Лослау — восемнадцать километров».

Танки, продравшись сквозь разрушенный город, сворачивают на эту дорогу. Впереди гремят разрывы немецкой артиллерии. Там, пересекая эту дорогу, между Зорау и Лослау, лежит следующая, еще не взятая линия немецкой обороны.

26.3.45

С утра едем на наблюдательный пункт 95-го корпуса, к генералу Мельникову. Теперь, на третий день наступления, он помещается по дороге на Лослау, километра четыре влево от шоссе.

В пути видим первую за эти дни немецкую технику: два-три танка и брошенные на дороге орудия.

По обочинам и невдалеке от них валяются мертвые немцы — не слишком много и не слишком мало. То есть для человека, который представляет себе современную войну, как Бородинское сражение, конечно, мало, а мне показалось, что много, и я подумал, что немцы вчера и сегодня понесли большие потери.

За каким-то Обером — а Оберов здесь такое же неисчислимое количество, как и Нидеров, потому что все деревни называются сначала Обер такая-то, а потом Нидер такая-то, а потом снова Обер, а потом снова Нидер и т. д.,— словом, за одним из Оберов сворачиваем влево на деревню Поломя: там наблюдательный пункт.

Дорога изрядно избита, последние километры чувствуется, что наступление прокатилось здесь всего несколько часов назад. Немецкие трупы, убитые лошади с еще не запекшейся до конца кровью, еще догорающий немецкий бронетранспортер, наша самоходка, разорванная на три части и тоже еще дымящаяся.

Еще подъезжая к первым домам деревни, понимаю по звукам боя, что мы втягиваемся в какой-то язык; теперь стреляют не только спереди и слева, но и почти что сзади.

Дорога издырявлена воронками. На перекрестке стоит дымящаяся «тридцатьчетверка» из чехословацкой бригады. Слева от дороги лежат наши убитые, накрытые плащ-палатками, и ничем не накрытые окровавленные трупы немцев. В палисаднике при дороге кто-то стонет: его перевязывают.

Останавливаемся перед сараем, возле которого стоит капитан.

— Где генерал Мельников?

— Не знаю, — говорит он. — А вы не знаете, где штаб 95-го корпуса?

— А что? — спрашиваю я.

— Да мне нужно тут отвести двадцать пленных.

Он кивает на сарай, из ворот которого выглядывают измазанные и перепуганные немцы.

Я указываю по карте, где штаб: он сзади нас, километров за восемь.

— Ох ты, — досадует капитан, — далеко как! А мне их туда вести надо!

Поломя оказывается чудовищно длинной деревней, километра в три. Мы проезжаем ее почти всю, но связисты, тянущие провода и знающие обычно больше других, говорят, что командира корпуса надо искать еще дальше, у церкви.

Во дворе церкви, и правда, стоит чей-то «виллис».

Мельников сидит в полуподвале поповского дома вместе с Дударевым, командиром 351-й дивизии; оказывается, мы попали не на НП корпуса, а на НП этой дивизии.

Мельников выбрит, застегнут на все пуговицы, в чистеньком желтом пальто с туго затянутым поясом; он точно такой же, как и в первый день наступления, — розовый, основательный, аккуратный, словно только что вышедший из бани и мечтающий выпить залпом три стакана крепкого чаю.

Дударев, напротив, замороченный, потный, обросший трехдневной, черной, как голенище, щетиной.

Они сидят с двух сторон стола за одной картой и, должно быть, уже не в первый раз рассматривают ее.

Я здороваюсь с Мельниковым и представляюсь Дудареву.

— Очень приятно, — говорит он, сняв очки. — Я очень люблю некоторые ваши произведения. «Землянку» очень люблю.

Я с сожалением признаюсь, что «Землянка» принадлежит Суркову, хотя и очень нравится мне самому.

— Нет, «Землянка» мне тоже нравится... Нет... я не то хотел сказать... Я это... как его... вылетело из головы. Ну, вы же сами знаете, что я хочу сказать!

Тут же сидят и командир корпуса, и начальник штаба корпуса, и начальник штаба дивизии, и еще кто-то, и еще кто-то... Но Дудареву кажется не по вкусу, что у него над душой сидит столько народу. Он очень устал, а дело в общем идет, и он его только что толкал и двигал, выезжал в полки и вернулся оттуда. Сейчас он немножко отдохнет, а потом — он предвидит это — ему снова надо будет ехать и снова двигать. И сейчас, в эту короткую паузу, он, видимо, вполне сознательно хочет говорить не о действиях своей дивизии, а об искусстве.

— Вы уж, пожалуйста, я хотел даже письмо написать, но вы же сами лично поедете в Москву, так скажите там: что за безобразие! Почему нам все с бомбежкой картины присылают? Что за черт! Ну, понимаете, сил нет! Пятый раз присылают — и все одно и то же! Невозможно! Вот, слышите? А?..

Земля дрожит. Рядом стреляют наши пушки, а чуть подальше рвутся немецкие снаряды.

— Наслушаешься этого, а потом тебя опять бомбежкой угощают! Да черт их дери! Пусть они посылают все это в тыл, где этого не видели, а тут дайте нам какую-нибудь человеческую картину. Тоже ж мы люди!

— Вот «Серенаду солнечной долины» мы смотрели,— говорит начальник политотдела, маленький курносый человек с детским удивленным выражением лица.— Прелестная картина! Верно, товарищ генерал?

— Ну, конечно, верно. Прекрасная картина! Может быть, и не совсем прекрасная, но по настоящей ситуации хорошая. Вот так им и передайте: генерал Дударев для вас, может быть, и ничего не значит, но все-таки, как бомбежку на экране на вашем слышит, так уходит и больше не смотрит. И считает, что фронтовики с ним согласны! Что ж вы в самом деле! О тыле вы думаете, тылу вы объясняете, какая она такая война! А нам, какой он такой мир, — мы уже о нем забыли ведь! — не хотите объяснить? А нам надо объяснить, какой он из себя, мир. Без войны когда он был!

Я отвечаю, что кинопрокат, посылающий на фронт не то, что нужно, как видно, неправильно понимает цели пропаганды.

— Вот именно пропаганды, — сердится Дударев. — Меня уже поздно пропагандировать. Вы им все-таки это скажите!

Видимо, эта тема занимает его давно и серьезно.

— Или вот еще, — продолжает он. — Был я на Западном фронте. Какой-то там журнал «Смех» издавался. Кто-то там карикатуру поместил. Не помню, что было подписано под нею, а изображены были повешенные. Какой же тут смех, когда людей вешают? Я им написал письмо, что нечему тут смеяться! Издавайте тогда журнал «Трагедия»— будем знать, что читаем!

Этот неожиданный для меня разговор перемежается обменом деловыми соображениями между Дударевым и командиром корпуса.

— Неважно сегодня идете, плохо, — говорит Мельников, глядя на карту.

— Почему плохо? — ворчливо возражает Дударев. — Неплохо идем.

— Нет, плохо, медленно.

— Почему медленно? Прошли за день четыре-пять километров и еще пройдем. Ничего не медленно, — продолжает возражать Дударев все тем же ворчливым тоном.

— И все же надо нажать. Неважно действуете.

— Почему неважно? Тринадцать орудий взяли за утро. Из них десять в полной исправности. Из них три 105-миллиметровые. Вот, пожалуйста! Вот, вот! — Дударев с торжеством кивает на задрожавшее в эту минуту оконное стекло.— Вот, из немецких бьем, из 105-миллиметровок. На предельной дальности, и по немцам! А вы говорите: плохо!

— Ну, ладно, кончай разговор, Дударев. Давай нажимай!

— А я нажимаю, — не сдается Дударев, видимо, привыкший противоречить начальству. — Вот я подтянул артиллерию и нажал. Сейчас пехота пошла. Артиллерию опять подтяну и опять нажму. А пехоте что же, одной, без артиллерии идти нецелесообразно. Что же, нахрапом лезть? Надо сперва подтянуть, а потом бить!

— Ну, давайте мне пункты для бомбежки! — приказывает командир корпуса, прекращая этот разговор.

— Пожалуйста!

Дударев быстро показывает несколько пунктов на карте, которые командир корпуса сейчас же передает начальнику штаба, чтобы тот связался с авиаторами.

В это время Дудареву звонят из полка.

— Так, — говорит он, — хорошо. Вот молодцы! Ей-богу, молодцы! — И кладет трубку.

— Еще три орудия 105-миллиметровых в полной сохранности захватили. Значит, за день шестнадцать уже! А вы говорите: плохо!

Снова звонит телефон.

— Огонь дать? — спрашивает Дударев. — Куда? По развилке дорог? А что, отходит? Сейчас дадим!

Он с картой в руках поворачивается к командующему артиллерией.

— Вот здесь немцы скопились. Отступают; орудия на конной тяге. Действуйте по этому перекрестку.

Еще один звонок по телефону. Начальник штаба полка доносит, что полк продвигается вперед на Вильхово.

— Только пусть в лобовые не ходят,— говорит Мельников.— Позвоните и прикажите им левее обходить.

— Не надо звонить, — говорит Дударев. — Они так и нацелены с самого начала — левей обходить.

Какой-то капитан докладывает, что взяты пленные из новой немецкой дивизии.

— Конечно,— говорит Дударев.— Подбрасывает силы. Этого надо было ожидать!

Через пять минут выясняется, что речь идет не о показаниях пленного, а о документах, взятых на убитом.

— Ну, тогда это еще не факт, что новая дивизия, — равнодушно говорит Мельников. — Может быть, просто кто-нибудь из вернувшихся в строй раненых. Немцы теперь всех подряд хватают. Кто близко к фронту попал, сразу на передовую! Затыкают дырку всем, чем способны! Такие номера дивизий могут оказаться, каких давно и на свете нет!

Мельников поднимается, чтобы ехать в соседнюю дивизию. Я тоже поднимаюсь и выхожу на улицу. Тут же, на задворках, за церковью,

П. Кривоногов. БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ.

«Огонек».

А. Дейнека. ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ (фрагмент).

С. Герасимов. МАТЬ ПАРТИЗАНА.

А. Лактионов. ПИСЬМО С ФРОНТА.

На обороте: Ю. Непринцев. ОТДЫХ ПОСЛЕ Б

Б. Неменский. ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ.

П. Кривоногов. ПОБЕДА.

Кукрыниксы. КОНЕЦ.

наши артиллеристы лупят из немецких 105-миллиметровых выкрашенных желтой краской орудий.

Когда я, поговорив с артиллеристами, возвращаюсь, Дударев кончает бриться. Он одновременно добривается, дает разные повседневные, не слишком существенные указания и разговаривает со мной.

Почему-то разговор заходит об остающихся и неостающихся жителях.

— Среди остающихся тоже есть сволочи, — говорит Дударев, — фольксдейче. Один такой сегодня утром убил у меня начальника связи. Шел мимо, а тот из винтовки с чердака — и наповал. Ну, мы его вытащили, и я сказал, чтобы расстреляли к черту.

В двух котелках приносят еду, и Дударев, обращаясь ко мне, предлагает на скорую руку пообедать.

— То есть, вернее, позавтракать, а хотя, в сущности, все же пообедать, поскольку обеда сегодня не предвидится.

По телефону звонит начальник штаба дивизии: речь идет о каком-то танковом десанте.

Дударев требует, чтобы десант был посажен на броню без всякого промедления.

Я спрашиваю, что это за десант. Оказывается, что пока я выходил, пришло сообщение, что танки уже прорвались на западную окраину Лослау и Москаленко приказал посадить на эти танки десантников из дивизии Дударева и с темнотой прорываться еще дальше, к Одеру.

— Нет, сегодня до Одера навряд ли дойдем,— говорит Дударев и показывает на карте расстояние, еще отделяющее нас от Одера. — Вот до сих пор дойдем. Это реально!

В его словах чувствуются хладнокровие и привычка к тому, что на войне не все так получается, как хочется и как первоначально записывается в планах.

— Всеми силами не дойдем, а батальон сядет на танки и прорвется.

В конце пятиминутного обеда опять звонок. Дударев подходит, и хотя я, слушая на фронте телефонные разговоры, часто по первым же словам догадываюсь, откуда звонят человеку: снизу или сверху, и если сверху, то какой именно начальник,— на этот раз на протяжении всего разговора так и не могу узнать, кто говорит с Дударевым.

Он разговаривает своим обычным, ворчливым и независимым тоном; голос его совершенно не меняется.

— Так точно, Дударев.

— Никак нет.

— Почему плохо? Нет, неплохо воюем. Шестнадцать орудий взяли. Две тяжелые батареи в полной исправности. И прошли пять километров. Да. Буду двигать все вперед! С утра двигал. Сейчас дообедаю и опять двигать буду.

— Есть.

— Ну что же! Моя дивизия свою задачу выполняет!

— Есть! — нетерпеливо повторяет он. — Есть. Понимаю. Есть.

Видимо, ему хочется как можно скорее положить трубку.

Положив ее, он садится за стол, отправляет в рот последний кусок котлеты, одним махом проглатывает целый стакан компота и, уже вставая, говорит:

— Москаленко звонил. Говорит: «Командующий фронтом тебе покажет». Ну, а что он мне покажет, если все идет нормально?..

В его голосе ни тени страха или волнения.

Я выхожу от Дударева и еду на НП корпуса, где, судя по звонку, сейчас находится Москаленко.

Москаленко сидит на НП вместе с Епишевым и начальником штаба 95-го корпуса, спокойным украинцем полковником Шубой.

— Все-таки мало вы сегодня прошли! — говорит Москаленко, обращаясь к Шубе.

— Трудный участок! — спокойно отвечает Шуба.

— Это верно, — соглашается Москаленко, — участок трудный, без дорог. Хотя вы, конечно, не моргали, а чужие дороги заняли своей артиллерией и у правого и у левого соседа, так что, в общем, у вас с ними так на так вышло.

Потом он спрашивает, когда в корпусе намерены закончить посадку десанта на танки.

Шуба докладывает.

— Учтите, — говорит Москаленко, — пока что вам до Одера ближе, чем соседям. Посмотрите на карту. Видите, как он сам вам навстречу изгибается. Это обстоятельство за вас. Вы должны первыми дойти. А идете все-таки плохо! Вон Бондарев свой корпус за ночь перебросил с одного фланга на другой, а уже больше вашего сегодня занял. И это после ночного марша!

— А ну-ка вызовите мне авиаторов.

Ему вызывают авиаторов, но слышимость плохая. Тогда он начинает кричать, чтобы ему дублировали.

— Дублируйте. Девушка, девушка! Ты меня слышишь? — почти жалобно взывает он. — Передавай: вызываю авиацию!

Он звонит назад, в глубокий тыл, а пункты, которые он отмечает на карте, подчеркивая их карандашом, совсем рядом с деревней Полома, где он сидит.

— Передавай, — говорит он, — и повторяй.

Девушка передает и повторяет ему заковыристые польские и немецкие названия деревень.

— Передавай и дублируй, чтобы штурмовики нанесли еще один мощный удар до вечера. — Он называет серию соседних с Полома пунктов.

— А теперь так.— Положив трубку, поворачивается к начальнику штаба корпуса. — Есть сведения, что немцами переброшена сюда 8-я танковая. Двумя артиллерийскими дивизионами займите оборону к северо-востоку от Лослау. Организуйте там противотанковый район и поглубже прикройтесь вдоль дороги.

После этого он начинает звонить в дивизию, которой незадолго до этого придали чехословацкую танковую бригаду.

— Что же это у вас, Савельев? (Савельев — условный позывной командира дивизии.) Где у вас чехи? Один батальон в деревне стоит? А почему до сих пор стоит, а не идет? А второй где? А почему вы плохо используете танки? Или вы используете танки как следует быть, или я у вас их немедленно отберу. Кстати, где вы сами? Уточните мне обстановку...

Его собеседник, видимо, докладывает обстановку неточно.

Москаленко, обернувшись к Епишеву и прикрывая трубку рукой, говорит:

— Чувствую, что сидит здесь, через три дома!

— Где вы сидите?

— Это я знаю, что вы сидите у себя на НП, а где ваш НП? Где впереди? Ах, в Полома! Где, на какой окраине? Я хочу к вам приехать. Ах, на восточной! Так вы же сидите в полутора километрах сзади меня! А ваше место впереди.

На этом заканчивается его разговор с командиром дивизии, и он приказывает немедленно вызвать командира корпуса, в который входит эта дивизия, очевидно, для крупного разговора.

— Вот как иногда бесстыдно очки втирают! — говорит Москаленко, покусывая тонкие губы и задумчиво глядя в стену перед собой.

Я спрашиваю его, занят ли Лослау.

— Донесли, что занят, — говорит он. — А что, хотите ехать?

Я говорю, что попробую.

— Попробуйте.

По дороге на Лослау еще несколько разбитых немецких пушек. Потом вдруг слева от дороги, на большом заболоченном лугу, дочерна изрытом «катюшами», густо валяются несколько десятков немецких трупов. Должно быть, немцы бежали, когда их накрыли «катюши». Трупы валяются и дальше, вдоль дороги, но уже не так густо.

Вообще сегодня чувствуется по ряду малых и больших признаков, что наступление, несмотря на медленное продвижение, идет удачнее, чем в предыдущие дни.

В Лослау сильно стреляют. До города остается меньше километра. Мы стоим на возвышенности. Она спускается в глубокую лощину, а на другом конце этой лощины, слегка поднимаясь в гору, стоит Лослау.

Перед самой железнодорожной насыпью, около Лослау, видна залегшая пехота. Это зрелище меня немного удивляет, но впереди на дороге тихо, и я уже решаю было ехать, когда выскочивший из-за дома капитан останавливает нашу машину.

— Пока подождите, не ездите, — говорит он. — Весь этот участок сильно простреливают. Только что был большой артналет. Видите, пехота залегла. Подождите до темноты, уже недолго!

— А в самом Лослау есть пехота?

— Не знаю,— говорит он,— наверное, есть. Танки уже часа четыре как прошли туда.

Мы стоим в нерешительности. Справа от нас батарея 76-миллиметровых пушек бьет куда-то севернее Лослау.

На западную окраину города с визгом один за другим заходят наши «ИЛы». Отчетливо видно, как летчики пикируют. Они пускают в ход эрэсы, и под крыльями у них вспыхивают огненные пучки.

Недалеко от нас стоит обгоревшая «тридцатьчетверка»; на ее дымных, изуродованных гусеницах сидят три пехотинца. Двое слушают, а третий играет на маленькой трофейной гармонике «На позицию девушка провожала бойца...»

При дороге высится разбитый снарядами фольварк. Заходим в него. Там все перевернуто. По крайней мере десять или двенадцать снарядов попали в этот дом. Должно быть, там сидели немцы. У окна среди обломков валяются пулеметные ленты.

В ста метрах от фольварка, у самой дороги, небольшая воронка. Около нее лежат окровавленный ботинок, окровавленный кусок плащ-палатки и исковерканный котелок — все, что осталось от человека. А в пяти шагах насыпан маленький свежий холмик. В головах воткнут столбик, и на нем в большую палисандровую раму, должно быть, взятую из фольварка, вставлен белый картон с надписью от руки:

Касаткин — сержант
Беляков — сержант
Кондратенко — ефрейтор
Бродий — красноармеец
Погибли 26.III—1945 года.

Я стою у могилы и невольно думаю об этом мгновенном конце четырех человеческих жизней. Они брали этот фольварк, по ним стреляли из минометов, около них разорвалась мина, они были убиты, и похоронили их в двух шагах от этой воронки, возле того самого фольварка, который через полчаса захватили их товарищи. Захватили, взяли раму, может быть, от портрета Гитлера, вставили в нее оборотной стороной какую-то литографию, написали на ней четыре фамилии и пошли дальше, вперед на Лослау.

А извещения еще только будут написаны и еще полтора или два месяца будут добираться до Иркутска, Новгорода, Полтавы... Вот она, судьба человека на войне во всей ее страшной простоте. Была такой и осталась. Осталась и сейчас, в сорок пятом, когда мы побеждаем, когда уже давно позади и Дон, и Днепр, и Буг, и войска армии настойчиво и стремительно движутся к Одеру...

* * *

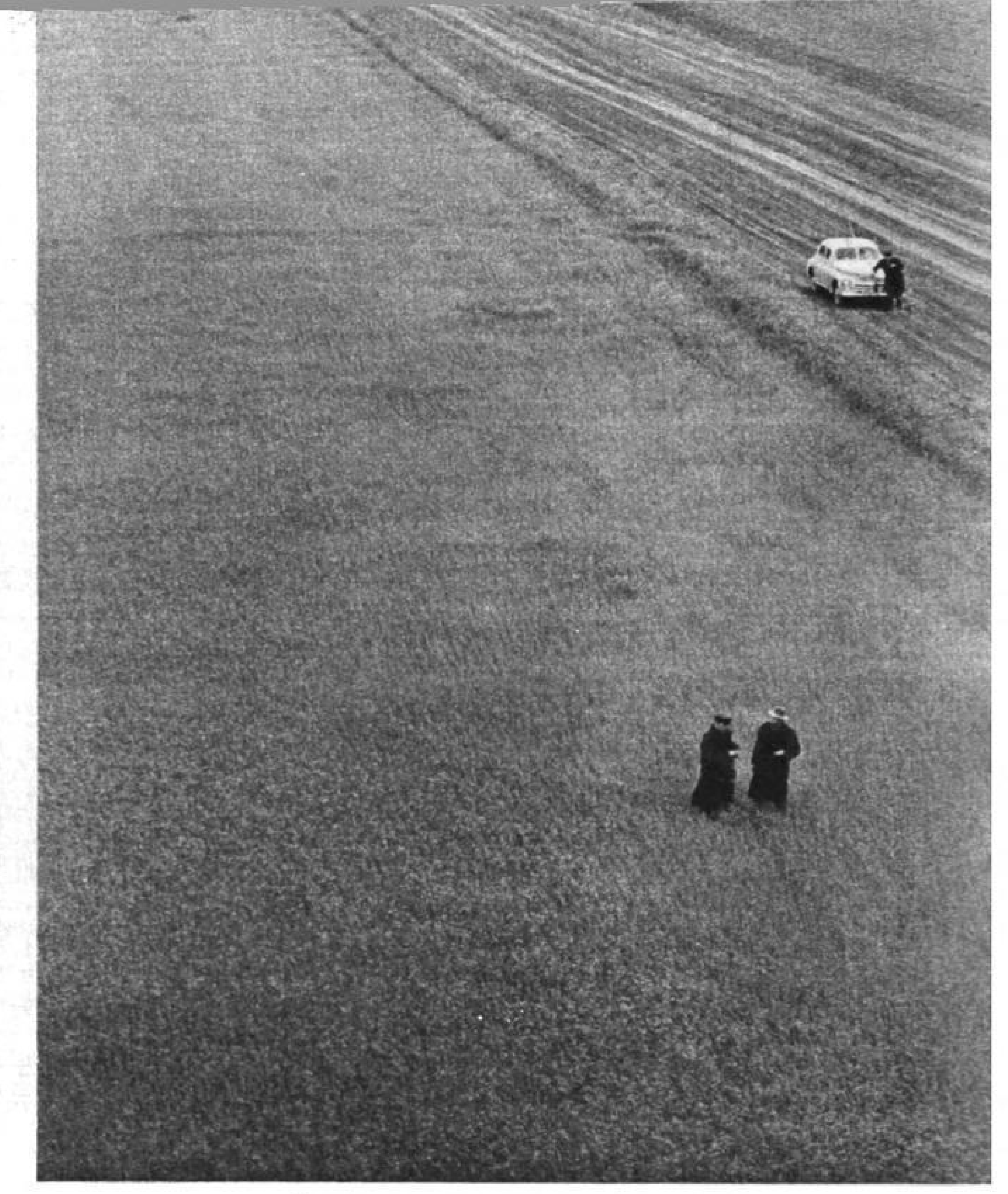
Все, что здесь записано, и бесчисленное множество событий, которых я своими глазами не видел и не записал, уместилось в четырех строчках напечатанной во всех газетах оперативной сводки за 27 марта 1945 года: **«Северо-восточнее города Моравска Острава войска 4-го Украинского фронта в результате наступательных боев заняли города Зорау, Лослау и более 40 других населенных пунктов...»**

В. Костецкий. **ВОЗВРАЩЕНИЕ.**

П. Ф. Карпенко.

До уборки далеко, но разговор уже о ней.

Хозяйство Ка

Их было много на дорогах войны — табличек, наспех вырезанных из фанеры или жести, из обгорелых досок или картона с лаконичной надписью: «Хозяйство Иванова», «Хозяйство Волкова», «Хозяйство...»

Капитан Карпенко за время войны всего лишь раз был такого рода «хозяином». Тогда подразделение, которым он командовал, выполняло особое задание, и где-то среди воронок и пепелищ можно было встретить стрелку «Хозяйство Карпенко».

Была война. Но каждую весну запах пробудившейся земли давал бой запаху порохового дыма. Каждую весну распускались цветы, пестрея вокруг сожженных деревень, на минных полях, на «ничьей» земле. И каждую весну солдаты вспоминали другое «хозяйство» — родной колхоз. Туда летели письма: «Как земля?.. Как с семенами?» А иногда в село приходили конверты, и в них маленький страшный листок: «Извещение. Ваш муж... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, находясь на фронте, был...»

Была война.

Деревне Куземино, что расположена на юге Сумской области, в Ахтырском районе, повезло. Немцы бежали отсюда в панике, забыв о своей тактике сожженной земли. Хаты уцелели.

Наступила весна. Первая после ухода фашистов. Пройдешь днем по деревне — ни души. Все на работе. Готовят поля под пшеницу с рассвета и до заката. Тракторов нет, лошадей нет, лопаты — основное орудие.

Так начиналась мирная жизнь, о которой думали солдаты там, в окопах, на фронте.

Сейчас в Куземине расположился штаб мирного хозяйства — правление колхоза имени Чапаева. Председателем здесь бывший капитан Петр Федорович Карпенко. Он человек дела, любит, чтобы все у него было рассчитано и подсчитано. Спросишь, к примеру, сколько у него орденов, председателева рука инстинктивно тянется к счетам, ложится на костяшки.

— Три за войну и один за колхоз,—отвечает.

Мирное хозяйство капитана Карпенко большое: поля, животноводческие фермы, тракторы, комбайны, свой кирпичный завод, сады.

И пшеница. Она стоит стеной. Густая. Давно такой не было. Пустила ростки свекла, кукуруза тянется к солнцу.

Председательская «Победа» несется среди полей к лесу. Включили приемник. Мелодия плавная, медленная. Непривычно слушать ее, когда едешь с такой скоростью:

Березы, березы,
Родные березы не спят.
Быть может, они напевают
Знакомую песню весны;
Быть может, они вспоминают
Суровые годы войны...

Березы стоят величаво возле самой дороги. Они ярко-зеленые, солнце просвечивает их насквозь. Тихо. Только нет-нет да и зальется трелью соловей. Будто ничего и не произошло, будто всегда было так спокойно в этом уголке.

Нет. Была война. И много, очень много парней не вернулось с фронта в деревню.

Можно посадить сады на бывших минных полях. Можно провести глубокие борозды по бывшей «ничьей» земле и получить на ней небывалый урожай. Но никто не в силах отнять у людей память.

Жил до войны в селе парнишка с сугубо военной фамилией — Михаил Майор. Женился. Ушел на

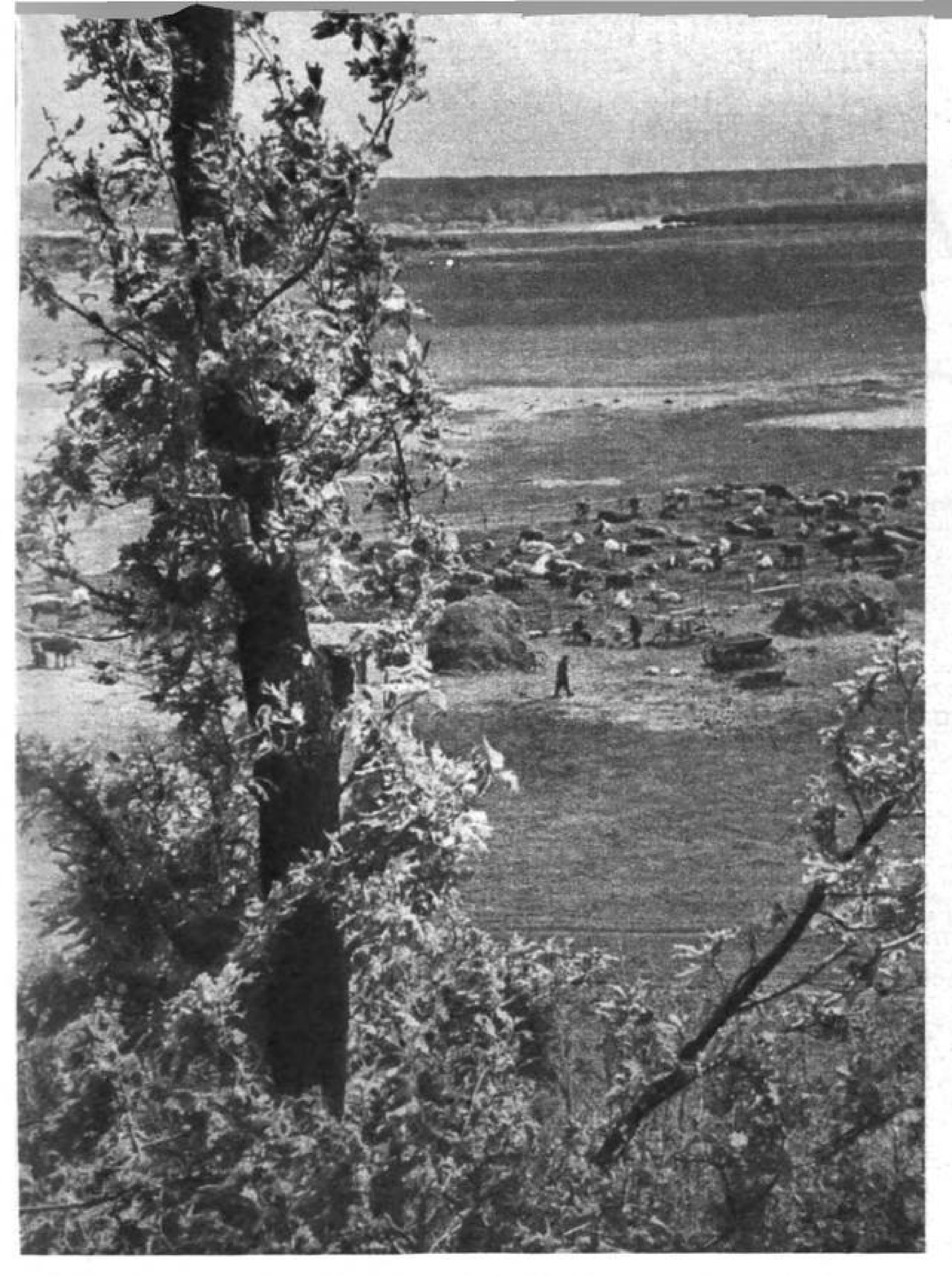

Сады цветут.

Колхозный завод. Продукция — полтора миллиона кирпичей в сезон.

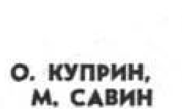

Куземинские просторы.

Вечная память.

рпенко

О. КУПРИН,
М. САВИН

фронт. Пришел в Куземино квадратик бумаги: «Извещение. Ваш муж Михаил Мусиевич Майор... проявив геройство и мужество...»

А потом пришли немцы. Они с автоматами гонялись по деревне за курами, вламывались в хаты, рылись в шкафах, доставали с чердаков старые ящики и тут же собирали посылки домой, в Германию.

Минули месяцы. Больше пяти тысяч жителей Ахтырского района посадили в вагоны и повезли на Запад. Не обошли и Куземино. Люди прятались в подвалах, уходили в леса. Но однажды совершенно неожиданно пришли свои. Их было немного. Был среди них один куземинский — лейтенант Михаил Майор.

Человек, похороненный и оплаканный, нежданно-негаданно пришел домой. Надолго ли? Всего на два дня. Снова нагрянули немцы. Их было гораздо больше. Отряд отступил. Ушел из дома и лейтенант Майор. На этот раз навсегда ушел. Это было в 1943 году.

...Завтра у председателя нелегкий день. Забот хватает... У скота была трудная зимовка. Надои упали. Из райкома каждый день звонит первый секретарь: молоко, молоко, молоко. Надо ехать на базы, потом на кирпичный завод: что-то ослаб огонь в печи, а стройки не ждут; затем заскочить на пилораму — как там с лесом? Но будет еще одно дело, особое — экзамены. Петр Федорович Карпенко — член экзаменационной комиссии в школе. Завтра десятиклассники сдают полеводство.

Десятиклассников в этом году мало — 16 человек. Не мудрено: военное поколение. Год рождения — 1944-й. Прошлой осенью прославились ребята на весь район — ученическая бригада собрала со своих полей самый большой в районе урожай кукурузы.

Была война...

Завтра экзамен. Пройдет немного времени, получат ребята аттестаты зрелости, придут работать в колхоз. Придет и Алеша Майор — живая память о боевом лейтенанте, погибшем, может быть, где-то совсем рядом, на подступах к родному селу.

День воскресный, солнечный. Но председателю не каждую неделю удается отдохнуть целый день. Что поделаешь — хозяйство! Хотя до большой уборочной страды еще далеко, но дела всегда найдутся. Надо, например, заехать на ярмарку. Просто посмотреть, чем торгуют, послушать, о чем говорят.

Навстречу — молодежь. С гармошкой, с песнями. Подрастают мальчишки и девчонки. Жизнь есть жизнь. Не остановить ее. А какая она будет, это от людей зависит.

В центре деревни — памятник. У подножия — цветы. Здесь похоронены 249 воинов, погибших в боях за Куземино. Кто они? Умаров, наверное, из Средней Азии или из Казахстана, Георгадзе — грузин, Диденко — украинец, Гусев — русский...

Стоит среди деревьев солдат с автоматом на груди на высоком постаменте и строго смотрит вокруг. Неподалеку ребятишки играют в лапту. Протарахтел мимо трактор.

Стоит солдат и смотрит на будущее, за которое отдал жизнь советский человек с автоматом в руках.

Мир...

Идет дойка.

Доярка Галя Зубченко — недавняя школьница.

О друзьях-товарищах

Из фронтовых дневников

Борис ПОЛЕВОЙ

«Открытый лист»

Под Орел пришлось выехать внезапно. Ночью позвонили из военного отдела редакции и спросили, готова ли машина. Я ответил, что ее только что загрунтовали, но покрасить не успели. Последовало короткое распоряжение: «У Орла **началось.** Немедленно выезжайте». И вот, изумляя встречных пятнистой окраской и ядовито-зеленым цветом, моя многострадальная «эмочка» уже несется по влажному, лоснящемуся от утренней росы шоссе.

Самое скверное заключается в том, что у нас всего четверть бака бензина, и на спусках стрелка подолгу застревает на роковой крайней точке шкалы. Дожигаем последние граммы горючего, а в кармане нет не только открытого листа — в те дни это был предел мечтаний военного корреспондента,— но ни одного завалящегося талона на бензин.

Но шофер, с которым мы скитаемся по фронтам уже третий год, не унывает. У него свой, многократно проверенный способ добывать горючее на фронтовых дорогах, только бы дотянуть до Подольска, до первой заправки. Тут он смело подруливает к военной бензоколонке. Берет свежую, еще пахнущую краской «Правду» из пачки, взятой им утром прямо с ротации, и, опустив стекло, призывно помахивает ею.

Через мгновение весь персонал бензозаправки, утратив свой неприступный вид, склоняется над свежей газетой, и хотя запрещено заправлять машины в дороге без талонов или открытого листа, но как откажешь человеку, который ранним утром вручил тебе свежую газету!

В Серпухове повторяется та же история, с той лишь разницей, что здесь для проходящих машин бензина нет вовсе, и, повздыхав, нам доливают пять литров из «генеральского» нз — неприкосновенного запаса. У Тулы мы обгоняем следующую к фронту танковую колонну, остановившуюся на привал в березовом леске. Разгоряченные дневной жарой, густо пропыленные лица танкистов гроздьями свешиваются над газетой. У бензозаправщика наш бак заливают с царской щедростью, наполняют и основные и запасные бачки, так что дальше мы следуем с осторожной медлительностью объевшегося удава.

Остаток газет уже с совершенным бескорыстием раздаем маршевым ротам, которые обгоняем на дорогах, а последний экземпляр торжественно вручается курносой регулировщице, открывшей нам путь на командный пункт. Так свежие газеты послужили нам лучшим видом открытого листа, широко распахивая перед нашей пятнистой машиной и ворота и «сердца» бензозаправок.

По грязи

Кто не был в марте 1944 года на втором Украинском фронте и не принимал участия в наступлении на Умань, тот, как мне думается, по-настоящему не знает, что такое грязь — жирная, густая, клейкая, как патока, тяжелая, как свинец, растянувшаяся на многие километры на пути нашего наступления.

Корпус военных корреспондентов действовал здесь как спешенная мотопехота. Появился специальный термин — пешкоры. И слово это, придуманное корреспондентом «Комсомольской правды» Сергеем Крушинским, служило высокой оценкой корреспондентской выносливости, так как пешкорам приходилось иногда за сутки совершать двойные концы — путь к наступающей части и обратный — до телеграфа.

Однажды, в разгар наступления, когда грязевой разлив на дорогах достиг предела, нам предстояло совершить дневной переход в 45 километров. Решено было выйти на заре. С вечера распихали по карманам небогатое свое имущество, прикрутили телеграфным проводом отстающие подошвы к совершенно раскисшим, давно уже не высыхавшим сапогам и пораньше залегли спать, чтобы подкопить силы. Ночью разбудил стук в окно. Это был корреспондент Совинформбюро Лило Лилоян, героически погибший потом, уже в финале войны. Лило торжественно объявил, что нашел двух солдат на тачанках из казачьей части,— они завтра выезжают, и две трети пути мы сможем совершить на колесах.

С первыми лучами солнца мы были у тачанок, запряженных тройками. Но тут выяснилось неприятное обстоятельство. Хозяйка хаты, где ночевали солдаты, оказалась весьма гостеприимной, и нам пришлось взваливать наших возниц на повозку да еще прикреплять поясами, чтобы они не потерялись в пути. Место на облучке первой тачанки занял корреспондент Союзрадио капитан Костин, бывший кавалерист-пограничник. Он как-то по-особому гикнул, взмахнул концами вожжей, и тачанки «понеслись» со скоростью, отнюдь не свойственной им по рассказам и песням и едва ли превышающей пять километров в час.

Вторую часть пути шли уже пешком, помогая друг другу выбираться из грязи. Вот тут-то и познали мы по-настоящему труд этого беспримерного наступления. Грязь хватала за ноги своими липкими «ладонями», пудовыми гирями нависала на сапогах, делая их куда более тягостными, чем кандалы. Путь считали не десятками километров, даже не километрами, а пролетами между телеграфными столбами. Но все-таки шли, да еще по очереди несли тяжелый, набитый аппаратурой и проявителями рюкзак выбившегося из сил фотокорреспондента. И когда кто-нибудь из слабых здоровьем, дотянув до сухого местечка, ложился на землю, все коллективно тащили его дальше.

— Ну, теперь уж совсем пустяки осталось. Не раскисать, не раскисать...

А потом, добравшись до места, не перебинтовав стертые ноги, даже не переобувшись, при свете фитилька, опущенного в бачок для проявления, все дружно писали очередные корреспонденции, забыв дорогу, усталость, боль в ногах, неудачи. Нам повезло — штабной самолет утром уходил на Москву.

Эстафета

Чем дальше уходил вперед фронт наступающих войск, чем чаще мелькали в сводках Советского Информбюро наименования освобожденных сел, городов, тем хуже становилось у нас с так называемой проводной связью. Даже телеграфные «нагоняи» из редакций прибывали к нам самолетом и доходили до нас в подлинниках за редакционными печатями и подписями начальников. А материалу было много и необыкновенно интересного.

Надежда была только на самолеты, на любезность пилотов. Но надежда непрочная, зыбкая, так как по пути в Москву пакеты наши дважды и даже трижды переходили из рук в руки, прежде чем дойти до редакций.

Однажды утром, когда мы отсыпались после очередного пешего рейса в наступающие части, в комнату влетел запыхавшийся корреспондент ТАССа майор Александр Малибашев, влетел и объявил, что через полчаса улетает прямой самолет на Москву. Мы мигом свернули и засургучили свои творения. Конверты были вручены пилоту вовремя, и тот торжественно поклялся, что вечером сам лично обзвонит наши редакции.

Но тут подбежал запыхавшийся корреспондент «Известий» майор Леонид Кудреватых и сообщил, что ему посылать нечего: все его корреспонденции лежат на телеграфе, а от телеграфа до аэродрома добрая верста. Верста жидкой, вязкой грязи.

Мотор самолета уже работал. И вот, движимые общим порывом, мы стали умолять летчика подождать. Должно быть, лица у нас были в эту минуту действительно жалостные, так как летчик, очень торопившийся в обратный путь и поначалу даже отказавшийся разговаривать о каком-нибудь ожидании, махнул рукой:

— Ну, ладно. Десять минут. Жду десять минут и ни секунды больше. Понятно?

Десять минут! Даже братьям Знаменским было бы, вероятно, не по плечу одолеть этот маршрут за десять минут по грязи, которая сдергивает с тебя сапоги. И тут родилась животворная идея — разделить путь на маршруты, расставить представителей прессы так, чтобы пакет передавался от одного к другому, как это делают бегуны во время эстафеты.

Оставив одного, наиболее речистого, заговаривать летчику зубы разными фронтовыми байками, сбросив шинели, шапки, подсумки, все, что могло помешать в беге, корреспондентский корпус принялся выполнять план. Когда из-за церкви появился раскрасневшийся и уже совершенно обессилевший владелец пакета, ближайший рванулся к нему навстречу

и, как говорят кавалеристы, аллюром три креста понесся по улицам штаба, мимо знакомых командиров, удивленных часовых по направлению к аэродрому. Пакет таким образом трижды переходил из рук в руки. Мой маршрут был последний, самый легкий — от железнодорожной насыпи до самолета. Сунув летчику пакет, я тут же сел на землю, ибо братом Знаменским не был и мне казалось, что сердце у меня вылезает из воротника гимнастерки.

Штабные остроумцы долго зубоскалили потом по поводу этого происшествия, обсуждая резвую корреспондентскую иноходь. Зато в этот день все московские редакции получили материалы «От нашего военного корреспондента».

Фитиль

...Части I Украинского фронта захватили крошечный участок земли за рекою Вислой — плацдарм в несколько сот метров. И вот, зацепившись за него, уже пятый день они держатся, обстреливаемые с земли и с воздуха. Пищу и боеприпасы подвозят им ночью на резиновых шлюпках.

Кусочек земли! Но за войну мы все стали стратегами и понимали, как дороги для будущего наступления эти первые завислянские болотные метры, отбитые у противника невдалеке от старого польского города Сандомир. И все мы, военные корреспонденты, конечно, честолюбиво мечтали побывать на этом «дьявольском пятачке», чтобы потом получить право написать первую корреспонденцию с места, откуда, вероятно, и свершится впоследствии прыжок в Германию.

...Раннее туманное утро. Спрятав за дамбой свои вездеходики, заткнув за пояс полы шинелей, мы бежим по заросшей тальником пойме к реке. Начальник переправы обещал, используя густой туман, перебросить нас на «пятачок». Сидим в земляной щели и ждем, пока с того берега вернется резиновая лодка. Но вот послышался тихий плеск весел, обмотанных тряпками, и в тумане начал вырисовываться расплывчатый силуэт надувной лодки. В этот момент завыли пикирующие самолеты противника. Мелкие бомбы с визгом летят в реку. Стеклянные обелиски вырастают над водной гладью. Все мы волнуемся — доплывет ли лодка? И, выглядывая из щели, каждый из нас мысленно торопит гребцов — скорее, скорее! Лодка доплыла и бесшумно ткнулась о причал. Несколько человек выскочили на берег и побежали к укрытиям. В нашу щель спрыгнул высокий синеглазый майор. Он тяжело дышит. Гимнастерка, руки, лицо — всё в глине. В глине и Золотая Звезда, привернутая к гимнастерке.

— ...Ух и жара ж там, ребята,— говорит майор. Мы понимаем, что «там» — это на плацдарме.— Дерутся как львы. Кругом все истыкано снарядами и почему-то масса ромашек. Ромашки и кровь. Белое и красное — цвет польского флага. Так сказала мне одна полька, но, чур, братцы, этот образ не употреблять, я уже принял его на вооружение...

Майор смеется. Два ряда ровных белых зубов как бы освещают испачканное глиной лицо. Это Сергей Борзенко. Он опередил нас всех и первым из журналистов побывал за Вислой. Как говорили военные корреспонденты — вставил нам колоссальный фитиль. Все завидуют, но никто не сердится. Все жмут ему руки.

На чужбине

У меня хранится экземпляр «Правды», в своем роде уникальный. Его передала мне белокурая девушка в брезентовом комбинезоне на улице только что освобожденного Дрездена. Зовут ее Наташа Курковкина. Это та самая девушка, которая в час штурма провела наше танковое подразделение в обходном маневре и тем самым дала ему возможность почти без единого выстрела занять индустриальное предместье города — Радебейль.

...Номер «Правды», ничем не отличающийся от других. Но в нем — небольшая корреспонденция об отважных советских людях, поднявших восстание «вестарбейтер» в Дрездене, когда линия фронта проходила еще далеко от города. Эти люди организовали партизанский отряд и назвали его именем своей Родины — «Отряд СССР». Отряд вырос до нескольких сот человек, с боем прорвался через фронт и вышел в расположение наших частей, стоявших тогда на Нейсе.

Часть этих отважных партизан после своего героического похода по Германии пожелала вернуться обратно, в неприятельский тыл, на подпольную работу — поднимать новые восстания иностранных рабочих на немецких предприятиях. Вылетая в тыл врага, они захватили с собой номер «Правды», где была помещена заметка «Имени СССР» — заметка об их отряде. Заброшенные в Германию, они организовали еще несколько побегов из лагерей. Бежавшие уходили в леса, создавали там партизанские отряды, которые тоже называли «Имени СССР».

И повелось так — бежавшим из лагеря читали заметку в «Правде» о подвигах самой первой группы смельчаков из теперь уже большого отряда «Имени СССР». Это стало как бы своеобразным ритуалом, посвящением новичков, боевым напутствием партизанам в новый трудный путь.

— Нам это здорово помогало,— сказала Наташа, отважная русская девушка, трижды умышленно попадавшая в фашистские рабочие лагеря с тем, чтобы трижды уйти из них во главе партии беглецов и беглянок, передавая истрепанный, склеенный на сгибах промасленной бумагой номер газеты «Правда».

У финиша

Это довелось увидеть в Берлине днем 3 мая, когда ветер гонял над щербатыми развалинами клубы горького дыма, а недалеко от рейхстага грохотали танковые пушки. Советские бойцы выбивали из развалин остатки эсэсовских частей, не пожелавших сложить оружие.

Свершилось то, о чем долгие четыре года мечтали люди всего земного шара. Столица фашизма пала. Красный флаг развевался над решеткою выгоревшего купола рейхстага, но все кругом — и вздыбленный асфальт на площади перед Бранденбургскими воротами, и обглоданные снарядами кочерыжки старых лип Тиргартена, и трупы убитых, еще валявшиеся тут и там кучками и в одиночку, и кровь, запекшаяся на асфальте,— все это говорило, что битва еще не отшумела.

И вдруг на середину площади вывернулся пестро расписанный армейский агитгрузовичок. Из-под брезента показалась курчавая девичья голова. В руках у девушки были свежие газеты. Наши, столичные газеты! Вмиг машину окружила шумная толпа. Сотни рук тянулись к газетам.

Я тоже протянул свою, и мне повезло —«Правда»! Развернул свежий номер и поразился: это был номер от 3 мая, сегодняшний номер! На первой странице было фото: подъем советского флага над рейхстагом. Ниже описание того, как произошло это историческое событие. Вот и запечатленный на снимке танк с надписью на башне — «Боевая подруга», он все еще стоит на прежнем месте перед рейхстагом. Чудо, что ли? Но чуда не было. Газета была в руках. Несколько человек нетерпеливо дышали мне в затылок...

— Ну, что же вы?.. Давайте читайте...

Можно не хвалясь сказать, что этот номер произвел здесь огромное впечатление. Его читали бойцы, сидя на обломках памятника Вильгельму. Его читали, расположившись на ступеньках портика рейхстага. Его читали танкисты, свесив ноги с брони того самого танка, который был изображен на снимке.

И мы, военные корреспонденты, читавшие в этот день свои газеты здесь перед рейхстагом, еще окруженным дымами берлинских пожарищ, в эти мгновения, как никогда, гордились своим журналистским ремеслом.

Фронтовые дороги

Петрусь БРОВКА

Фронтовые дороги,
Грозовые года...
Ощущенье тревоги
Не забыть никогда.

Дым, и едкий и горький,
Стали рвущейся гром.
Смерть на каждом пригорке,
Смерть под каждым кустом.

Не страшились мы смерти.
Путь, что пройден во мгле,
След оставил на сердце,
Словно танк на земле.

Стерты дó крови ноги,
Час привала далек.
Фронтовые дороги,
Стук солдатских сапог.

Дух махорки и пота
На шляхах полевых,
На тропинках, в болотах,
Средь завалов лесных.

Дождь осколочный с ветром,
Опаленная высь.
Да, войны километры
Нелегко нам дались!

Потеряли мы многих
Побратимов своих,
Фронтовые дороги,
Вы запомнили их!

Сняты шапки и каски,
Гром салюта суров.
Над могилою братской
Шорох вечных дубов.

Знают наши шинели,
Что пробиты не раз,
Как спешили мы к цели —
Мщенье двигало нас.

Мы, в стремленьях едины,
Долг исполнили свой.
Мы дошли до Берлина,
Расквитались с войной.

Перевел с белорусского
Я. ХЕЛЕМСКИЙ

ВСЕ ХОРОШЕЕ —

Антал ГИДАШ

В 1931 году Алексей Максимович Горький приехал на Родину. На просторной площади Белорусского вокзала и на Тверской улице толпились тысячи людей. Вдоль перрона выстроились делегации, в том числе и писательские; тогда еще много было писательских организаций.

Как обычно в таких случаях, напряженную торжественность и тревогу ожидания люди старались перебить шуткой. Задумавшись, стоял я на перроне, сжимая в руке номер «Правды». К встрече Горького в нем было напечатано стихотворение «Алексей Максимович — ждем!»

Невыразимое чувство охватило меня: возвращается на Родину буревестник великой русской революции, и в центральной газете «Правда» приветствие Горькому пишет венгерский поэт. ...И картины, картины замелькали у меня перед глазами. Мне представилось, как мы, босоногие ребята, бежим к киоску на угол улицы Магдолны и улицы Луизы и кричим: «Есть новый Ник Картер!» Купить книжечку мы не могли. Ник Картер стоил дорого — целых двенадцать крайцаров. Но любоваться обложкой, на которой знаменитый сыщик на крыше небоскреба бьется с бандитом, шантажировавшим миллионера,— любоваться этой обложкой мы могли задаром.

Полгода спустя — уже зачитанная и изодранная — эта книжка продавалась за два крайцара. Столько денег даже у нас водилось иногда. Когда же наступал счастливый миг, мы мчались сломя голову:

«Старые Ник Картеры продают!»

Однажды я опоздал, и владелец киоска скучно протянул мне какую-то другую потрепанную книжицу в коричневой обложке.

— Эту тоже можешь взять за два крайцара... Она не хуже...

— Нет, лучше Ник Картера нет ничего! — воскликнул я с горестным отчаянием.

— Верно,— равнодушно согласился владелец киоска.

Этим решилось все. Начни он уговаривать меня — а мне всю жизнь были ненавистны «уговариватели»,— я ушел бы без книжки. Но два крайцара упали в ящик продавца, а я, неся в руке пьесу «На дне», тыкался в животы прохожим.

Потом уселся на высоком тротуаре, свесил ноги и продолжал читать, читать... И несколько слов мне особенно запали в душу...

Поезд подходил. Горький стоял у открытого окна. Ломал руки, словно не в силах справиться с волнением, словно прося о помощи. И что-то говорил, говорил, но что, расслышать было нельзя. Поезд осторожно остановился.

Пока звучал «Интернационал», делегации стояли, вытянувшись в струнку, когда же загромыхали «Ура!» и «Да здравствует Горький!», толпа зашевелилась, закружила меня, увлекла...

Немного погодя я увидел Горького... в воздухе. Люди подняли его на плечи и понесли на площадь, к трибуне. Гремела музыка, громкое «Ура!» и снова музыка, пока не зазвучала приветственная речь.

Кроме слов оратора, ветер доносил только тихий шелест знамен.

...Я пошел домой усталый. Лег. Меня разбудила сотрудница Российской ассоциации пролетарских писателей.

— Товарищ Горький просит вас прийти к нему в три часа дня.

Возле Никитского бульвара, неподалеку от той церкви, где Наталья Гончарова поклялась в вечной верности Пушкину, стоял особняк, подаренный Максиму Горькому Советским правительством.

Нас приехало довольно много народу. Помню только Иоганна Бехера, Джиованни Джерманетто, Бела Иллеша.

Вошел Горький. Мне запомнился его костюм — по-молодому светлый, почти солнечный. Горький поздоровался. Голос густой, звучал гулко. Сразу поразил его высокий, очень высокий рост, который казался еще выше из-за его худобы. Он часто сутулился, нагибался, словно желая сгладить эту разницу в росте. Русые усы его пожелтели от курения. Когда Горький говорил о чем-то веселом, они поднимались, когда же о грустном или неприятном,— поникали. Так же вели они себя, когда Алексей Максимович слушал. По движению усов можно было установить, нравятся ему слова собеседника или нет. И только потом гулко басил в ответ.

Горький заговорил о венграх. Первым, как и все в те годы, он вспомнил Бела Куна, с которым был знаком и которому, забасил он, «послал телеграмму весной 1919 года». Потом заговорили о Петефи, Мадаче, «Трагедию человека» которого он считал великим произведением. Вспомнил и про венгерский журнал «Нюгат», где впервые на иностранном языке была напечатана его повесть «Дело Артамоновых».

И потом обратился ко мне. Попросил прочесть по-венгерски мое стихотворение, напечатанное в тот день в «Правде». Когда я кончил читать, Алексей Максимович подошел, пожал мне руку и, не выпуская ее, заговорил:

— Вот что хочу я вам сказать.— Он глубоко затянулся папиросой. (Теперь я заметил, что он окает.)— Вот что я хочу вам сказать...— повторил он.— Вы революционный поэт... Вот, вот... И вы должны обращаться ко всему миру. Но,— и он помолчал немного,— не сердитесь, про меня и так говорят, что я всех учу. Черт с ним, пусть говорят, это ж правда.— (И усы его

ОДИН ИЗ МОИХ ДРУЗЕЙ

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

I

Ты снова ругаешь меня, дорогая,
что о любви не пою,
а я вдохновенье опять впрягаю
в старую тему свою.

Я вспоминаю о том,
как плыла
весна над булыжной Москвой;
в котлах асфальт клокотал,
и зола
летала над мостовой.
А вечерами в котлы
ночевать
забирались ребята,
что лишь усмехались
при слове «кровать»:
«Была ли у волка хата?»

Дзержинский призвал советских людей,
за правду шедших под пули,
спасать немедленно этих детей,
как если бы дети тонули!..

И вот родилась трудкоммуна
в лесу,
разросшемся под Москвой,
где с листьев стряхивал росу
лось, мотнув головой;
где сосны к звездам тянули шеи,
прокалывая облака,
и чистый воздух казался
свежее
воды из родника...

Парни, участвовавшие в налетах,
дивились, сюда приехав:
не знали здесь ни замков, ни решеток,
ни часовых,
ни побегов.
Для всех была обязательна школа,
невежд презирали тут.

Всем
путь был открыт
в ряды комсомола,
на завод,
в институт...
Крепла коммуна, гордясь по праву
молвой о своих делах.

Как-то сюда привели ораву
мальчишек, взятых в котлах.
Дежурный взглянул:
«Вы черней земли!
В баню — все до едина!»
...Из бани в столовую чинно шли
розовые блондины.
В костюмы новые
после купания
переоделись разом.
Но один из этой компании
остался, как был, чумазым.
Дежурный ногами затопал даже,
вскричал:
«Вот зловредный малый!..
Ты это что ж не отмылся от сажи?
Иль мыла жаль и мочалы?»
«Малый» в ответ улыбнулся приятно,
спорить не стал с начальством,
в баню послушно пошел обратно,
парился целый час там.
Вернулся.
Дежурный рот разинул.

А он:
«Берегите нервы!
Меня не отмыть ни водой, ни бензином:
мои родители негры!»
...Ребята, с ним совершавшие рейсы
бесплатно по всей стране,

ЛЮДЯМ

еще выше поднялись.) — Так вот, надо вам сказать, я тоже начал со стихов. Вы и сами упомянули в своем стихотворении «Буревестника». А от стихов никуда не уйдешь. Открою вам секрет, только вы никому не выболтайте его: я и сейчас пишу иногда стихи. Но со стихами мороки не оберешься. Их чертовски сложно передать на другом языке, да и на своем они пробиваются с бо́льшим трудом, чем проза... Если бы вы не были пролетарским поэтом, я никогда не стал бы говорить вам об этом... Кроме того, со стихами еще одна мука, особенно если они написаны по-новому, не так, как писали прежде; поэт уж больно зависим от всяких критиков-эстетов. А эти в большинстве своем такой народ, что любят все установившееся, жить на одном месте любят. Впрочем, многие люди неохотно переселяются с места на место... Хотите дойти до народа? Посоветую вам: пишите и прозу.

Я сказал ему, что начал было писать роман под названием «Счастливое детство», да бросил.

— А почему?

— Не знаю. Может, потому, что, как говорят французы, человек всегда норовит вернуться к своей первой любви.

...В этот день мы еще о многом толковали. Горький рассказывал истории о Шаляпине, о волжских бурлаках. Говорил медленно. И если кто даже ни слова не понимал по-русски, все равно было ясно, веселое или грустное рассказывается, потому что усы Горького то поднимались, то опускались...

Несколько месяцев спустя я решил снова взяться за роман, который бросил писать два года назад. Через пять лет закончил его, озаглавив «Господин Фицек».

Первый экземпляр я думал послать Горькому. Но, когда роман вышел в свет, Горького уже не было в живых.

Весть о его смерти застала меня на берегу Черного моря. Я как раз держал стеклышко над пламенем свечи, стараясь закоптить его: мы готовились к солнечному затмению. Я задул свечу и бросил стекло на землю: смотреть затмение солнца у меня отпала всякая охота.

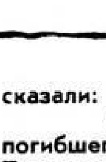
А слова из пьесы «На дне», о которых я помянул вначале, звучали так: «...Что я тебе худого сделал?» — спросил Медведев. И Васька Пепел ответил: «А что ты мне хорошего сделал?»

И по сей день, когда о ком-нибудь говорят, что «он не сделал ничего худого», я готов признать: «Да, это тоже кое-что». Но мне все слышатся слова Васьки Пепла, и доносятся они ко мне из полувековой дали, с будапештской улицы Луизы:

— А что ты сделал хорошего?

Перевела с венгерского Агнесса КУН.

Будапешт.

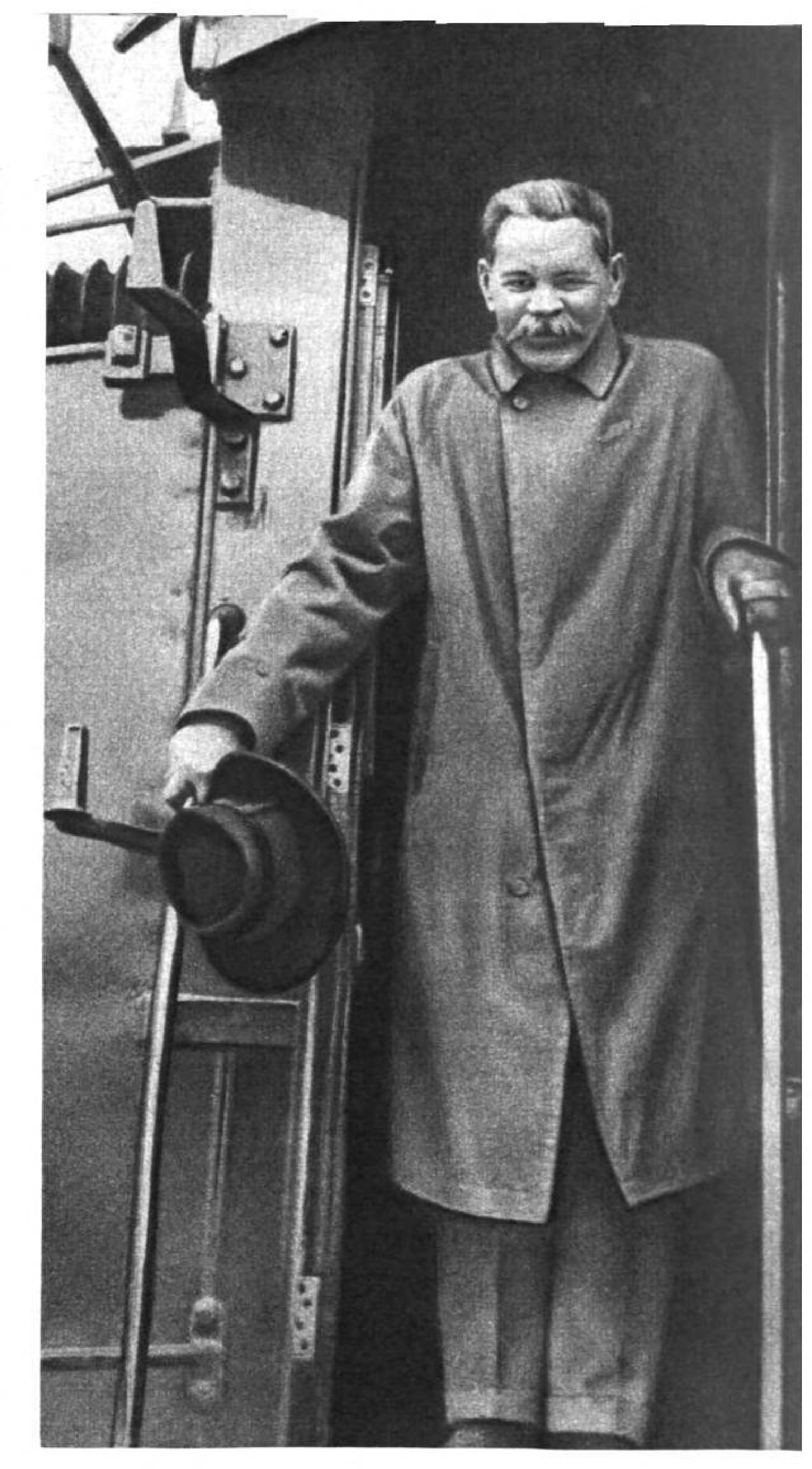

сказали:
«Он сын красноармейца,
погибшего на войне!»
Постановили
те, что недавно
спали в котлах в обнимку:
— Считать коммунаром равноправным
негритенка Максимку!..

II

Давно коммунары с Горьким дружили,
знали все старожилы его.
Однажды привез он в своей машине
Буденного и Ворошилова.
Сам повел гостей к стадиону,
хотел им все показать.
Но поглядел на небо Буденный:
«Сейчас начнется гроза!»
И вправду,
ветер пронесся со свистом,
дождь забренчал по гравию.
Наши гости и чекисты
к веранде шаги направили.
Уселись, окна не закрывая:
внутри показалось темно...
И вдруг,
как молния шаровая,
Максимка влетел в окно.
Подпрыгнул
и, пятками об пол стукнув,
сказал Ворошилову смело:
«Прошу извинить за такой поступок,
но у меня к вам дело!»
Кто улыбнулся, кто посуровел,
но негритенок стройный,
не глядя на тех, кто насупил брови,
продолжал спокойно:
«На «Ворошиловского стрелка»
давно уж я нормы сдал,
а мне до сих пор
не дают значка.
Всё говорят:
«Ты мал!»
Привлек его к себе Ворошилов:
«Мал?.. Подрастешь еще!..
Чтобы расти веселее было,
выдать велю значок».
Максимка от радости оробел,
к плечу крутому прижался.
И кто-то не произнес, а пропел:
«Я не-гров люб-лю у-жасно!»
Горький ответил:
«А я вот людей
люблю не за цвет их кожи!»
И с неба —
спутник летних дождей —
гром
захлопал в ладоши.

На этом кончается рассказ
о друге детства Максимке.
Видел его
до войны не раз,
после — только на снимке...
Я слышал,
на снайпера сдал зачет
он в битве под Ленинградом
и «Ворошиловский» свой значок
носил с орденами рядом...
Таких
в стране, открытой Колумбом,
вдохновляет Поль Робсон;
таких
в Черной Африке
прах Лумумбы
за волю зовет бороться.
Дарят героев и ученых
миру
народы разные,
и кровь
у белых, желтых и черных,
как знамя свободы,— красная!

→ А. М. Горький выходит из вагона на станции Негорелое. 1931

Баллада о покатой планете

Из книги «Африка имеет форму сердца»

Евг. **ДОЛМАТОВСКИЙ**

Рисунки **БОР. ЕФИМОВА.**

Не в Африке начата эта баллада,
Не в Африке будет ее конец...
Гремела русская канонада,
Из окруженного Сталинграда
Вырвался чудом живой мертвец.

Распространяя зловонный запах,
Пришедший с Запада на Восток,
Он покатился с Востока на Запад,—
Перекати-поле на острых лапах,
Колючей проволоки моток.

Ну, до чего же земля поката,
Ну, до чего же она кругла!
Танки — и те не догнали ката,
Мордатого, рыжего, как с плаката,—
Быстро катилось исчадье зла.

Забравшись в тыл, стал он снова смелым
У мыса Нордкап, где борей шумит,
Занялся вновь своим черным делом
Специалист по ночным расстрелам
Обершарфюрер барон фон Шмидт.

Стало опасно в сорок четвертом
В синем задуве норвежских вьюг.
И, ненавистный живым и мертвым,
Шмидт увлекается лыжным спортом.
Вот он на лыжах скользит на юг.

Ну, до чего же кругла планета!
К центру Европы катился он,
Лишь задержался в Судетах где-то,
Жег города, расстреливал гетто,
На детях пробовал газ циклон.

Он после войны был судим заочно:
Смерть одна — за мильон смертей.
В нищей Гренаде, осев непрочно,
Из дому он выходил лишь ночью,
Как призрак, двигаясь в темноте.

Так жил он. Но призрак на то и призрак,
Чтоб вечно испытывать страх и дрожь.
Память сильна, а судьба капризна.
Люди косятся — опасный признак:
Могут всадить между ребер нож.

Шмидт от возмездья бежит в Марокко.
Порт Касабланка открыт для всех.
Он мусульманин, дитя пророка,
Только теперь с бородой морока:
Катится вслед за бароном смех.

К мелкой торговле барон приступит,
Может, избудет свой вечный страх?
Что ж, господин военный преступник,
Кто вас узнает, поди, пристукнет,
Тут не поможет и сам аллах!

В юном Марокко поднятье флага,
День Независимости. Весна.
Быстро собраться сочтя за благо,
Катится дальше на юг бродяга:
Есть еще там для него страна.

Только в Гвинее он жил недолго.
Дни референдума. Бьет тамтам.
Снятся опять Сталинград и Волга,
В чаще флажки окружают волка,
Идет возмездие по пятам.

В Лагосе, в Нигерии, у залива,
Обосновался один купец.
Вьется прибоя львиная грива.
Как все устраивается красиво!
Вот и волненьям пришел конец!

Утрами слушает он пернатых
В белом бунгало на берегу,
И даже сам генерал-губернатор
Беседует с ним о заслугах НАТО
За кофе, в семейном своем кругу.

Шмидт для удобства назвался Смитом.
Торговля какао — сплошной доход!
Но вновь над вешателем знаменитым
Сгущаются тучи. Ночей не спит он,
Дрожащей рукой утирая пот.

Грядет независимость. Отплывает
Генерал-губернатор на острова.
Тамтамы истории отбивают
Минуты. На празднике все бывает:
Тут может с плеч слететь голова.

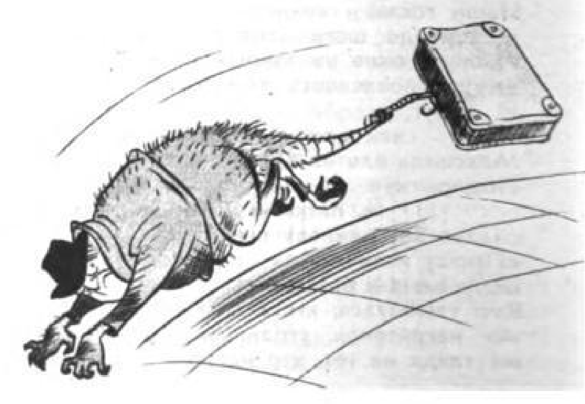
Со всех сторон ожидая кару,
Обершарфюрер барон фон Шмидт
Катится вновь по земному шару,
На самолете навстречу жару
Через экватор на юг летит,

Чтобы за шар земной зацепиться:
В Южной Америке есть места.
Раньше крушенья стараясь скрыться,
Так с корабля убегает крыса
В дрожи от морды и до хвоста.

Где он задержится? Как надолго?
Где ему будут и сколько лет
Сниться еще Сталинград и Волга?
В чаще флажки окружают волка,
В узком пространстве петляет след.

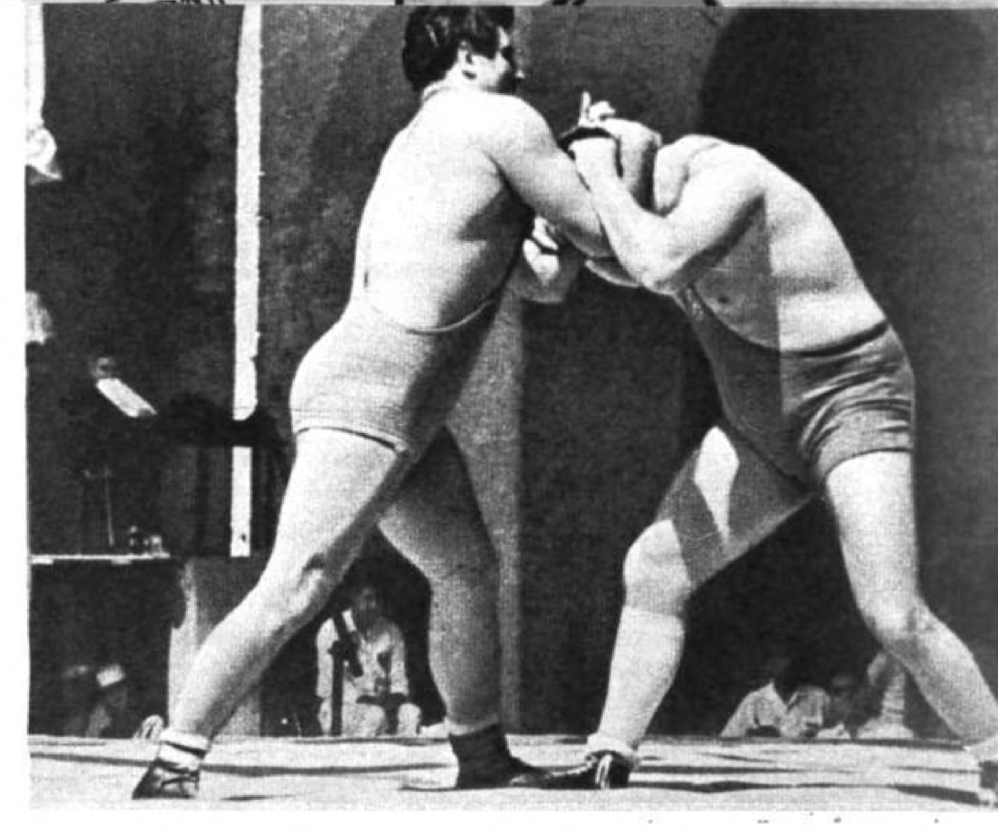
Дальше Антарктика — льда громада,
Мертвого холода забытье...
Тут ничего добавлять не надо.
Не в Африке начата эта баллада,
Не в Африке будет конец ее.

ЧЕМПИОН ЧЕМПИОНОВ

Радостное сообщение пришло из далекой Японии. Выступая на первенстве мира, советские борцы добились большого успеха. Особенно удачным оказалось выступление «классиков»: Армаис Саядов, Олег Караваев, Автандил Коридзе, Василий Зенин и Иван Богдан завоевали золотые медали. Мы печатаем очерк о чемпионе чемпионов — борце тяжелого веса Иване Богдане.

Рим. XVII Олимпийские игры. Финальная схватка борцов-тяжеловесов И. Богдана (слева) и К. Кубата (Чехословакия).
Фото Б. Светланова.

Наша беседа затянулась. За окном, задернутым отяжелевшей от безветрия занавеской, уже слышны были голоса возвращавшихся с тренировки борцов.

Богдан втиснул в проем окна свой могучий торс и кивком головы пригласил меня выглянуть наружу.

— Ишь, как разморило их... Полюбуйтесь...

По аллее, грузно приминая пыль, брели атлеты. Их обнаженные до пояса тела лоснились от пота, плечи были опущены, словно бы на них навалился весь этот полуденный зной.

— Шутка ли, провозиться два часа на ковре, как на сковородке!

Иван размышлял вслух. Через каких-нибудь полчаса его ждало такое же испытание — так называемые контрольные схватки. Он должен будет встретиться с искуснейшими тяжеловесами страны и предъявить свои права на билет в Рим.

— Не могу бороться на тренировках по-настоящему. Натура не та, что ли...— И Богдан улыбнулся — широко, бесхитростно, словно оправдываясь перед теми, кто так часто корил его за то, что не умеет он быть злым на ковре.

До двадцати лет Иван жил в родном селе Дмитро-Беловка, на Николаевщине, и работал в колхозе помощником кузнеца. Занятие это ему нравилось — он был силен, вынослив и по-юношески честолюбив: не каждому дано иметь власть над огнем и железом.

Когда пришел срок призываться в армию, Богдан был определен в саперные войска. Могучий парубок стал строить деревянные и понтонные мосты. Трудно такому крепышу оставаться в тени, незамеченным. Приметил молодого солдата командир роты Борис Игнатьев, большой любитель борьбы. Он успел изучить робкий нрав парня и решил ввести Богдана в спорт кружным путем. В один из вечеров Игнатьев пригласил Богдана в Дом офицеров на концерт для отличников боевой и политической подготовки. Приехали в клуб, а там о концерте и слыхом не слыхали.

— Черт возьми, все перепутал! — ругнулся в сердцах Игнатьев.— Как же нам быть? — Лейтенант разыграл мимическую сцену, долженствующую выразить всю глубину его смятения.— А-а,— оживился он наконец и прищелкнул пальцами,— давай-ка заглянем сюда...

Читатели уже, верно, догадались, что Богдан очутился в спортивном зале, где тренировались борцы. Богдан впервые видел атлетов. Они, признаться, не произвели на него никакого впечатления: ребята как ребята, на вид «не страшные». А Игнатьев стоит рядом и подзадоривает: побори хоть одного. Помялся Богдан, помялся и вызвал сразу троих. Один за другим выходили против него атлеты, но поколебать эту глыбу мышц не смогли. Только шею «намылили».

Наутро Богдан еле-еле приподнял голову.

— В следующий раз не будешь совать шею кому попало,— подтрунивал над Богданом Игнатьев, а потом уже тоном приказа объявил, что тот будет каждый вечер ходить на тренировки. Не хотелось «топтаться» на ковре: несерьезное это дело... Но против командирского приказа разве пойдешь — надо выполнять. И Богдан стал тренироваться и выиграл первенство гарнизона! «А коль скоро ты удостоен такого звания,— сказали Богдану,— поезжай, брат, в Киев и защищай спортивную честь днепропетровских армейцев». И опять Богдану сопутствует удача: ни одного поражения до последнего финального поединка. А там — позор. Старшина-сверхсрочник Фома Бездоля, сухой, жилистый, с «несолидным» весом, сбил с ног стокилограммового колосса и самым безжалостным образом перевернул его на спину.

Вот тут-то и осерчал Богдан. Пунцовый от стыда, возбужденный до крайности, он долго «остывал» после схватки в комнате участников. Уже все — и победители и побежденные — покинули раздевалку, а он все еще сидел, положив на колени свои пудовые ладони.

А теперь о «крестном отце» Богдана Василии Бровченко. Среди московских любителей атлетической борьбы наверняка найдется десяток-другой болельщиков, которые помнят этого рассудительного, чуть угрюмого борца.

Бровченко приметил Богдана на тех самых злополучных состязаниях, когда тот проиграл Бездоле, и предложил ему тренироваться вместе. Уж больно располагал к себе молодой армейский геркулес. Начали с азов. Новый товарищ вводил Ивана в мир хитроумных приемов нападения и защиты с неспешной последовательностью, чтобы Иван не только изучил тот или иной бросок, но и поверил в него, самолично убедился в его неотразимой силе. Ведь Ивану придется встретиться с «королями ковра» Иоганнесом Коткасом и Александром Мазуром.

Бровченко готовил своего ученика к грядущему испытанию, и сейчас, по прошествии десяти лет, Богдан признается, что этот экзамен дался ему нелегко. Пять раз встречался Иван на чемпионатах страны с Иоганнесом Коткасом и во всех пяти случаях покидал ковер побежденным. Чемпионом СССР Богдан стал лишь в 1959 году, уже после того как получил золотую медаль чемпиона мира в Будапеште.

У него были исключительно сильные соперники там, в Будапеште: «надежда Турции» Хамид Каплан — высокий, жилистый, с хваткой горного барса; Лютви Ахмедов — налитый мощью, скорый на расправу болгарский богатырь, Рагнар Свенссон — стойкий, поскандинавски хладнокровный атлет; чемпион Венгрии Резнак — резкий, вспыльчивый силач. И все же Иван Богдан был торжественно провозглашен сильнейшим тяжеловесом мира.

А после Будапешта был Рим. Богдан оказался прав: в Риме было куда жарче, чем в Подмосковье. К полудню ковры в Базилике Массенцио нагревались градусов до пятидесяти и обжигали сквозь тонкие подошвы «борцовок» ступни спортсменов. Дышать было нечем, знойная завеса воздуха не колебалась, а только дымилась под слепящим солнцем...

Впервые встречались между собой сильнейшие тяжеловесы мира Иван Богдан и немец Вильфред Дитрих. Они знакомились друг с другом в атлетическом споре, оба настороженные, осмотрительные, притаившиеся в ожидании неверного шага, или обманного маневра, или дерзкого выпада. А пока противники медленно передвигались по ковру, оставляя в запасе шаг «ничьей земли», и только перехваты рук да «игра» мышц выдавали напряжение этого скрытого пульсирующего единоборства.

Так и разошлись они по-доброму, ни на йоту не поступившись чемпионской гордостью, вовлекая в свой неразрешившийся спор остальных атлетов, тех, с кем их сводил спортивный жребий в последующих кругах. И потому, что они не сумели победить друг друга, лидеры обязаны были побеждать других. Только так они могли доказать свое право на золотую медаль.

Богдан отлично знал, из чьих рук он может ее получить. Но это обстоятельство нисколько не облегчало ему задачу, ибо Иван знал грозную силу того, с кем ему придется вступить в решающий поединок. Назовем это имя — Рагнар Свенссон, его знакомый по Будапешту, «непробиваемый» швед, способный сделать ничью даже с дьяволом. А Богдану требовалась лишь чистая победа — туше, как говорят борцы.

Богдан не спешил с атакой. Его тяжелые ладони почти невесомо касались напряженных плеч шведа, как бы смирившись с его неуязвимостью. Солнце маслянистыми бликами играло на телах уставших силачей. От солнечной сонной одури притихли зрители. Могли представить себе шведский чемпион, что его изнывающий от жары противник перед самым финальным свистком взорвется вдруг неистовой вспышкой энергии и каким-то непостижимым, молниеносным броском заставит его коснуться спиной раскаленной поверхности ковра?

Прошло немногим более полугода, и «тяжелым» рукам Богдана снова пришлось потрудиться. На этот раз на ковре в далеком японском городе Иокогама. Здесь встретились сильнейшие борцы всех континентов — претенденты на золотые медали чемпионов мира. Среди них оказались и старые соперники Ивана Богдана, такие, как турок Каплан, чехословак Кубат и восходящая звезда венгерского спорта Козма. Но и на сей раз никто не смог прервать победный путь Ивана Богдана. Был побежден по очкам турок Каплан, а лопатки американца Лоуэлла и австралийца Самарая были плотно припечатаны к ковру еще задолго до истечения времени схватки.

На этом, пожалуй, можно пока прервать рассказ о чемпионе чемпионов тяжеловесе Иване Богдане...

И. БОРИСОВ

ОТ БУГА ДО

Станислав ЯРЕМЧАК

Первый город на пути

Станция Тересполь — первый польский город на левом берегу Буга по пути из Бреста на Запад. Вместе с соседней станцией Малашевичами — это перевалочный пункт для товаров, идущих из СССР в Польшу или транзитом через Польшу. Туристы (в 1960 году их было свыше 100 тысяч) и командированные после краткого оформления паспортов едут дальше, напутствуемые пожеланиями хорошо провести время в Советской стране.

В столице Подлясе

Население этого края вместе с советскими партизанами вело мужественную борьбу с немецкими оккупантами. Гитлеровцы превратили Подлясе в груды пепла. Теперь Подлясе по промышленному развитию догоняет центральные и западные районы страны. Наша «Волга» мчится по новым дорогам, мимо оштукатуренных сельских домиков, мимо красавцев заводов в городах.

В Седльце — столицу Подлясе — мы попали в дни, когда он праздновал свое 400-летие.

На том месте, где в 1944 году шли бои и пылали целые кварталы, сегодня развеваются бело-красные флаги, высятся новые дома и заводы. По случаю праздника открыты выставки, третий день продолжаются народные гулянья. На открытие праздника в Седльце приехал премьер Ю. Циранкевич. Молодежь к празднику получила хороший подарок — школу с прекрасными аудиториями и мастерскими.

Юность всего Подлясе собралась на стадионе. После торжественного обещания родине хорошо учиться и работать начался большой, веселый концерт. Все на стадионе сказочно расцвечено, с ясного неба светит жаркое солнце...

В полдень

Столбик ртути поднимается все выше... 25°, 30°, 35°!.. Мы выехали из Седльце и уже приближаемся к Варшаве. Все чаще встречаются группы отдыхающих. Между деревьями стоят автомобили, мотоциклы, велосипеды. Около Отвоцка и Свидера, которые называют «зелеными легкими Варшавы», отдыхающих так много, что кажется, будто вся столица сегодня здесь. В сосновых лесах построено много домов отдыха и санаториев. А мы едем дальше, к Варшаве, по дорогам, где шли бои 1-го Белорусского фронта. Советская Армия и части Войска Польского наступали на правобережную часть столицы — Прагу, неся помощь варшавским повстанцам. Отправляясь на пляжи Вислы, варшавяне едут мимо памятников воинам, погибшим здесь в боях.

Направо мост, налево...

...тоже мост и много прекрасных домов в современном стиле, школ, улиц, магазинов, парков и заводов. Главный архитектор Варшавы инженер А. Сиборовский раскладывает перед нами план строительства города. С 1961 по 1965 год в Варшаве будет построено 75 тысяч новых квартир, больше 100 школ, 2 новых моста через Вислу, 3 вокзала, аэродром, театр оперы и балета, начнут строить Варшавский метрополитен и многое другое.

В январе 1945 года, когда Варшава была освобождена, город казался безлюдным. Сегодня в столице Польши 1 200 тысяч жителей.

Экзамен на аттестат зрелости

Школа на Электоральной улице — одна из той тысячи школ, которые должны быть построены к тысячелетию Польского государства. Сегодня у ее выпускников царит веселье.

Старина и молодость! Вот два героя сегодняшнего дня: выпускники Гражина Новачек и Ян Носсальски. Они собираются продолжать учебу. Она будет изучать гуманитарные науки, а он — ядерную физику. Желаем успеха!

«Прекрасный город» — говорят о Варшаве, и это действительно так. Говорят, что «Варшава — новый город», и это правда. Говорят также, что «Варшава — город молодых», и это истина: тридцать

ОДЕРА

процентов ее жителей — молодежь, поколение, родившееся и выросшее в народной Польше.

Сестра «Победы»

Завод легковых автомобилей — это тоже молодежное предприятие, и здесь экзамен на аттестат зрелости. Наш проводник по цехам — молодой инженер Ежи Хмелевский, выпускник московского автомобильного института. Завод начал выпускать машины в 1951 году.

В смену с конвейера сходит 60 новых автомобилей. Кроме «Варшавы М-20», завод выпускает ежегодно 15 тысяч машин «Сиренка».

Вскоре партия машин «Варшава М-20» и «Сиренка» отправится в 500-километровый рейс дружбы по трассе: Варшава — Будапешт — Прага — Лейпциг — Варшава — Москва и обратно.

Куда летят аисты!

На две недели столицей Польши становится Познань. Не только Польши, но и всего торгового мира. Об этом говорят большие плакаты с аистами, летящими в Познань. На их крыльях знамена 57 стран — участников XXX Международной ярмарки в Познани.

Мы въезжаем в нарядный город и сразу отправляемся на ярмарку. В павильонах товары СССР, США, Великобритании, ФРГ, Франции, Японии и всех стран народной демократии. В залах, где во время оккупации гитлеровцы выпускали «Фокке-Вульфы», мы весь день ходим среди станков и аппаратов, текстиля и продовольствия, автомобилей и игрушек, утоляя жажду прекрасным познанским пивом.

Мешок богатств

Прекрасным утром подъезжаем к «житавскому мешку». Он находится там, где сходятся границы Польши, ГДР и ЧССР. В «мешке» больше миллиарда тонн бурого угля. На этом угле будет работать электростанция, строительство которой уже идет и является убедительным примером содружества Польши, СССР, ГДР и ЧССР.

Стоим у реки, которая разделяла две враждующие армии. Теперь эта река — граница между двумя дружественными странами. Пограничная река, которая не разделяет, а соединяет. Виден дым по ту сторону границы — это электростанция в Гиршвельде, работающая на польском буром угле. А в польских домах от тока Гиршвельде зажглись огни.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

НА РУИНАХ ПРОШЛОГО

Гельмут ПЕЛЬЦЕР

Эта дорога видела войну, видела смерть. По ней маршировали «нах Остен» фашистские полчища, по ней, разбитые наголову, они тянулись обратно.

Шестнадцать лет прошло с тех пор. В голубой «Волге», которая мчится по этой дороге, сидят советский фотокорреспондент и немецкий журналист. Когда первый носил форму офицера-фронтовика и шел вместе с победоносными советскими войсками к Берлину, к последнему бастиону Гитлера, второй был школьником. Он прятался в подвале, замирая от страха. И не он один. Все боялись; боялись бомб, снарядов, боялись того конца, который неотвратимо приближался, боялись, потому что никто не знал, что будет после...

Перед нами появляется серебристая лента Одера. С одного берега на другой переброшен мост. Под ним шумит река. Она несет свои воды к морю. Вода холодная и серая, почти такая, как тогда, шестнадцать лет назад. Обнаженные руины, полуразрушенные стены домов по обеим сторонам реки напоминают о последних сражениях. Бегство фашистов было похоже на агонию смертельно раненного зверя. Эсэсовцы в последнюю минуту взрывали мосты. Стонал бетон...

Июньское солнце не жалеет тепла. На восточном берегу Одера несколько отважных мальчишек уже лезут в воду. Они пускают бумажные кораблики, которые медленно плывут по течению. Веселый шум чистых детских голосов звучит под металлическими сводами моста, недавно поднятого из руин, моста, который связывает Польскую Народную Республику и ГДР. Он называется «Мост мира».

На этом мосту стоят два человека. Их отцы направляли оружие друг против друга... У сыновей одинаковые мундиры оливкового цвета. Разные только погоны и эмблемы на фуражках. Правда, Конрад не понимает ни слова по-польски, а Хенрик — по-немецки. Но у них в глазах молчаливое согласие. Служба свела их вместе здесь, на мосту. Они стоят рядом, курят. Один, может быть, думает о девушке в Люблине, другой — о своей невесте в Карл-Маркс-штадте. Один — бетонщик по профессии. Он родился в 1937 году, когда Гитлер, самодовольный и уверенный в победе, торжествовал в Нюрнберге в окружении фанатически настроенной толпы, бурно реагировавшей на его речи о мировом господстве. Второй учился на арматурщика. Он родился в деревне возле Люблина в то тяжелое время, когда нацистский военный сапог уже топтал цветущую польскую землю. У обоих оружие, и оба взяли его в руки с одной и той же, общей целью: защитить от врагов мира границу на Одере, «Мост мира», и не только мост...

Звено одной цепи

Могучий бетонный великан поднимается возле Франкфурта метров на шестьдесят над Одером. Через несколько недель его антенны и усилители позволят транслировать в Берлин телевизионные передачи из Москвы, Варшавы и Познани. Это — звено телевизионной цепочки, которая тянется от Москвы через Вислу до Шпрее.

Шестнадцать лет. За это время жизнь изменилась. Кто бы мог в апреле 1945 года думать о том, что здесь, среди руин и запустения, где смерть пожинала обильный урожай, немецкая ретрансляционная станция будет принимать и передавать дальше советские передачи, укрепляя дружеские связи между двумя народами.

— Вы думали об этом, Винфрид Либох?

27-летний радиоинженер отвечает честно:

— Нет.

Шестнадцать лет назад отступающие фашисты заставили его, мать и брата ночью покинуть родной город. Когда семья Либох в 1946 году вернулась в Фюрстенберг, земля вокруг была изрыта войной.

— Это была картина, которую я не забуду никогда в жизни,— говорит нам молодой инженер.

А в 1952 году Винфрид, закончив обучение, одним из первых пришел к доменным печам нового металлургического комбината.

— Скажите,— спрашиваем мы Винфрида Либоха,— как вы, доменщик, попали сюда, на телевизионную башню?

— Я всегда очень интересовался электротехникой. Завод послал меня в инженерную школу, государство заплатило за обучение, теперь я руковожу здесь персоналом станции.

Рабочий парень, который сумел стать инженером, потому что весной 1945-го вместе с Советской Армией через Одер перешли Мир и Будущее.

Подающие пример

В низине между горами и холмами приютилась маленькая деревня Альт-Тухенбанд. Каждая пядь земли здесь была залита кровью.

Обрабатывая плугом свои поля, крестьяне из кооператива до сих пор наталкиваются на проржавевшие стальные шлемы, ружья, пулеметы. За этот кусочек земли в предсмертном отчаянии цеплялись фашисты. Семь раз местечко переходило из рук в руки. Но кровь была здесь пролита не напрасно.

Из праха разбитого, старого выросло новое.

Летом 1952 года здесь, в Альт-Тухенбанде, неподалеку от шоссе, ведущего из Франкфурта в Берлин, возник первый сельскохозяйственный кооператив Германской Демократической Республики. Крестьяне назвали его «Освобожденная земля».

Им принадлежат поля, им принадлежат сегодня десятки машин, сотни голов крупного рогатого скота, свыше тысячи свиней. Путь социалистического содружества проявил себя в Альт-Тухенбанде так же успешно, как и повсюду в ГДР, где сегодня все крестьянство объединено в кооперативы. Социализм победил в деревне!

«Белое золото» из Рюдерсдорфа

Мы приближаемся к Берлину. До города осталось совсем немного. Внезапно ландшафт меняется. Деревья и кустарники приобретают какой-то своеобразный, бело-серый оттенок. Их листья покрыты тонким слоем пыли. На левой стороне дороги возникают башни цементного завода Рюдерсдорф.

Один из директоров предприятия, Эрвин Дрэгер, рассказывает:

— Сегодня мы выпускаем в день такое количество цемента, которого хватает для постройки 75 квартир, а раньше, когда завод еще принадлежал концерну «Пройсаг», здесь работали только для войны. На заводе готовили цементные бомбы, готовили смерть женщинам и детям Ковентри и Минска, Лондона и Киева.

— Куда вы отправляете свой цемент сейчас?

Эрвин Дрэгер отвечает:

— Собственно говоря, нашу продукцию используют в ГДР повсюду. Рюдерсдорфский цемент пошел на плотину в Зозе, на водный стадион в Берлине, на новую автостраду Берлин — Росток, на новостройки Сталин-аллее.

По пути к Бранденбургским воротам

По этой дороге в страну пришел Мир. Начинается она на мосту через Одер возле Франкфурта, идет через Мюнхеберг, Рюдерсдорф, через берлинские предместья и кончается у Бранденбургских ворот.

Мы побывали на одной из строительных площадок нового десятиэтажного жилого дома. В уютной двухкомнатной квартире Руди Водцак и Фолькмар Шмидт вставляют последние стекла. За последние недели и месяцы они остеклили сотни квартир.

Отсюда, с девятого этажа, глазу открывается внушительная картина. Все кажется одной большой строительной площадкой. Руди протягивает руку, объясняет:

— Там будет отель «Беролина», рядом — большой ресторан «Москва» и «Кино 1001 места».

Через несколько дней в том месте, где сейчас вгрызаются в землю экскаваторы, уже станут видны очертания фундамента будущего Дома учителя. За ним жилые дома, учреждения. А вдали очертания совсем маленьких Бранденбургских ворот. До границы ехать на машине самое большее пять минут. Служащий народной полиции останавливает нашу «Волгу». Но мы не собираемся в другую часть города...

— Расскажите что-нибудь о вашей жизни,— просим мы вахмистра Юргена Вестфаля.

Он смущается.

— Что же мне рассказать?

Его биография короткая, и все же в ней отражаются судьбы нашего времени. В начале войны отца Юргена забрали в армию. Письмо, где говорилось, что 15 июня 1941 года у него родился сын, он получил уже на фронте. Через шесть дней после того, как в скромной рабочей квартире в Трептове родился мальчик, Гитлер бросил бронированные полчища против Советского Союза. Отец Юргена погиб в 1944 году, мать умерла в 1947-м от тифа. Юргена и сестренку воспитали дед и бабушка. Родителей ребята помнили только по фотографиям. Когда Юрген кончал школу, ему хотелось стать учителем.

И он стал им. В 1959 году он с отличием выдержал экзамены. Но учиться и учить можно только в мире.

— Я сказал себе,— рассказывает Юрген,— что просто хотеть мира сегодня мало. Нужно для этого что-то и делать. За Эльбой не перевелись люди, которые во имя своих прибылей готовы снова разжечь пламя войны.

Поэтому я пришел в народную полицию, встал на пост около границы и взял в руки оружие.

Это оружие в хороших, надежных руках.

Почему мы так говорим

СЛОВА-БРАТЬЯ

Слова очень часто переходят из одного языка в другой. При этом они нередко изменяют значение и в новом языке немного иначе звучат. Бывает и так, что спустя некоторое время то же слово заимствуется снова, придя к нам не прямым путем, а окольным, побывав по дороге в других языках, приобретая при этом новый смысл и другое значение.

Таким образом, в языках есть пары (а иногда и больше) слов-братьев, имеющих общего предка.

«Кристалл и хрусталь» — оба слова происходят от греческого слова, означающего «лед». От одного и того же греческого слова происходят «ритм и рифма». Общий предок (тоже греческого происхождения) у «извести и асбеста».

Вот несколько пар слов, восходящих к общему источнику в латинском языке: «минута и меню», «цилиндр и каландр», «пуд и фунт», «карикатура и шарж», «битум и бетон», «отель и госпиталь», «легальный и лояльный». Латинского же общего происхождения, побывавшие по пути из латыни к нам во многих языках слова-братья: «магистр», «мастер» (а следовательно, и производные — «мастерская» и др.), «метр» («метрдотель»), «мистер».

От арабского «хазана» — «хранить» и производного «махзан» — «склад» — у нас два слова: «казна» и «магазин». «Казна» пришло к нам через татарский язык и в русском уже засвидетельствовано в письменных документах с 1389 года. А «магазин» попало к нам позже — через итальянский и французский. Арабского же происхождения пара — «шифр и цифра».

Еще одно арабское слово воистину может быть названо великим путешественником. Во время крестовых походов западноевропейские народы увидели на востоке много новых вещей. Например, ветряные мельницы впервые появились в Европе после XI века. С ними познакомили Францию и Англию вернувшиеся на родину крестоносцы.

С крестоносцами в Европу проникло и название арабской одежды «джубба». Эта «джубба», изменяясь в разных языках и становясь наименованием разного одеяния, создала ряд слов, вошедших и в наш язык. Один из дальних потомков этого слова — наша «шуба» (оно есть и в других славянских языках). К нам слово перешло из средневерхненемецкого и встречается в письменных документах с 1382 года. То же слово обратилось во французском языке в «жюп», откуда (через польский) — наша «юбка». В украинский и русский перешло польское «жупан», где оно было заимствовано из итальянского «джуиппоно» — род крестьянской одежды. Через татарский «зубун» у нас в языке еще один потомок «джуббы» — «зипун»; упоминание о том, что в 1664 году скроен царю Алексею Михайловичу «зипун отлас бел», говорит, что это у нас слово довольно старое.

И даже в монгольском языке есть потомок «джуббы» — название дождевого плаща — «цув», заимствование с тибетского (широкое обычное платье), в тибетском — с персидского, а в персидском — с арабского. Советские туристы, побывавшие сейчас в Марокко, рассказывая о стране, упоминают об арабах, на которых «джелаба» — название одеяния, родственное «джуббе».

«ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ»

Человек язвительный — злобно-насмешливый, стремящийся досадить кому-нибудь. Это единственное значение слова «язвительный» в нашем языке. А раньше «язва» означало «рана», а «уязвить» — не оскорбить и причинить острую неприятность, а буквально ранить. В одном из документов петровских времен (приблизительно 1702 год) говорится «...кто шпагу обнажит в том намерении, чтобы уязвить оный имеет, хотя никакого вреда не причинит, аркебузированием (аркебуз — старинное ручное огнестрельное оружие) будет расстрелян». И сейчас еще есть «язва» в старом значении «рана»: язва желудка, язвы на теле.

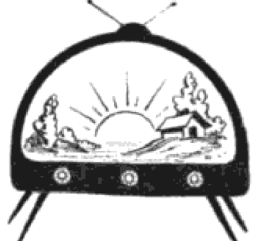
«Язва» — слово очень древнее, общеславянское. Есть оно в белорусском, в украинском, в болгарском, в сербском («язвина»), чешском языках. Начальное значение этого слова было «дыра», «ямка». В польском языке «язва» значит «нора барсука», а по-латышски родственное слово означает «трещина во льду».

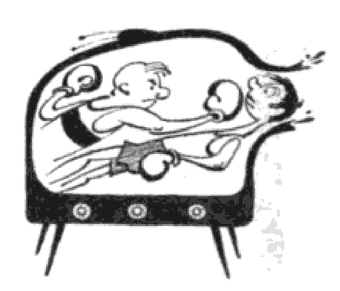
И. УРАЗОВ

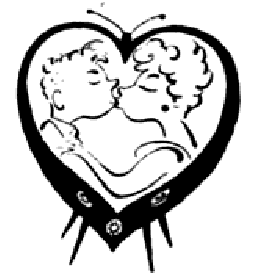
В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

Рисунок Ю. Федорова.

Девочка на шаре

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунок Ю. Черепанова.

Один раз мы всем классом пошли в цирк.

Мне сразу понравилось, что в цирке пахнет чем-то особенным и что на стенах висят яркие картины, кругом светло, в середине лежит красивый ковер, а потолок высокий. И еще там привязаны разные блестящие качели.

В это время заиграла музыка. И вдруг на арену выбежала маленькая девочка. Я таких маленьких и красивых никогда не видел.

У нее были синие-синие глаза, и вокруг них были длинные ресницы. Она была в серебряном платье с воздушным плащом, и у нее были длинные руки. Она ими взмахнула, как птица, и вскочила на огромный голубой шар, который для нее выкатили. Она стояла на шаре. И потом вдруг побежала, как будто захотела спрыгнуть с него, но шар завертелся под ее ногами, и она на нем — вот так, как будто бежала, а на самом деле ехала вокруг арены. Она бегала по шару своими маленькими ножками, как по ровному полу, и голубой шар вез ее на себе. Она могла ехать на нем и прямо, и назад, и налево, и куда хочешь! Она весело смеялась, когда так бегала, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необыкновенная. В это время она остановилась, и кто-то ей подал разные колокольчатые браслеты. Она надела их себе на туфельки и на руки, и снова стала медленно кружиться на шаре, как будто танцевать. Оркестр заиграл тихую музыку, и было слышно, как тонко звенят золотые колокольчики на девочкиных длинных руках. Это все было, как в сказке. Тут еще потушили свет, и оказалось, что девочка вдобавок умеет светиться в темноте. Она медленно плыла по кругу, и светилась, и звенела. Это было удивительно, я за всю свою жизнь не видел ничего такого подобного!

А когда зажгли свет, все захлопали и закричали: «Браво!» Я тоже кричал «браво», а девочка соскочила со своего шара и подбежала вперед, к нам поближе. Вдруг на бегу она перевернулась через голову, как молния, и еще, и еще раз, и все вперед и вперед. Мне показалось, что она сейчас разобьется о барьер, и я очень испугался, вскочил на ноги и хотел побежать к ней, чтобы подхватить ее и спасти. Но девочка вдруг остановилась, как вкопанная, раскинула свои длинные руки, оркестр замолк, и она стояла и улыбалась. Все захлопали изо всех сил и даже застучали ногами. В эту минуту эта девочка посмотрела на меня. Я увидел, что она видит меня, и она помахала мне рукой и улыбнулась. Она мне одному помахала и улыбнулась. Я опять захотел побежать к ней, и я протянул к ней руки. А она вдруг послала нам всем воздушный поцелуй и убе-

Корова и галоши

Лет тридцать назад в Ленинграде ставился балет «Ледяная дева». Все шло гладко. Но перед генеральной репетицией балетмейстер объявил администрации театра, что ему нужна корова.

В бутафорских мастерских театра сделали подобие живой коровы в натуральную величину. Она передвигалась по сцене, но при этом слегка подергивала головой, что придавало ей нелепый вид.

Тогда в отдаленной части Васильевского острова нашли корову и договорились с хозяином, что он будет приводить ее в театр и получать за нее «разовые», как за «артистку».

На русской оперно-балетной сцене перебывало много дрессированных животных, но корова понадобилась впервые. Во время спектакля она спокойно стояла за кулисами, жевала жвачку и тяжело вздыхала.

Благополучно проходил спектакль за спектаклем.

Но вот настал вечер, когда корова не явилась на работу.

Ее хозяин заявил, что путь с Васильевского острова слишком длинный, корова стирает копыта по булыжным мостовым, пугается трамваев и поэтому стала давать мало молока.

Снова в театре поднялась суета. Найти другую корову не удавалось. Наконец выход был найден. Дирекция срочно заказала корове специальные галоши, резиновые наушники и шоры.

Прошло несколько дней. Рыжая корова снова зашагала к театру, обутая в великолепные круглые галоши.

В. КОСТРОВИЦКАЯ,
педагог Ленинградского хореографического училища.

«Ничем другим не прославился»...

Пятьдесят лет тому назад Бернард Шоу отказался от посещения банкета в честь знаменитого скульптора Родена. О причинах отказа он сообщил в таком шутливом письме.

«Для меня,— писал Шоу,— этот банкет является совершенно излишним. Я уже сделал все, чтобы увековечить свое имя, так как Роден уже высек мои черты из мрамора и теперь в каждом словаре уже можно прочесть: «Бернард Шоу, модель бюста работы Родена, ничем другим не прославился». Если этот бюст будет когда-нибудь поврежден или даже погибнет, тем лучше для меня. Потомство будет говорить о «бюсте Шоу», как говорят теперь о затерянной статуе Афины работы Фидия. Самой бессмертной красотой обладает статуя, которой никто не видел. Что же мне делать на банкете? Вы ведь только гости Родена. Мне же, как и Филемону и Бавкиде, выпала высокая честь служить моделью для мастера.

Приветствовать же мне Родена — это приблизительно то же, как если бы Адам, после семи дней творения, сказал бы господу: «Я поздравляю тебя. Твое создание безукоризненно».

Покровитель диких гиен

Это было в Хараре.

— Хотите посмотреть диких гиен? — спросили нас.— Здесь живет человек, который с наступлением сумерек вызывает хищников из леса и кормит.

В десять часов вечера, когда Харар погрузился в густую темноту, мы поехали к покровителю диких гиен.

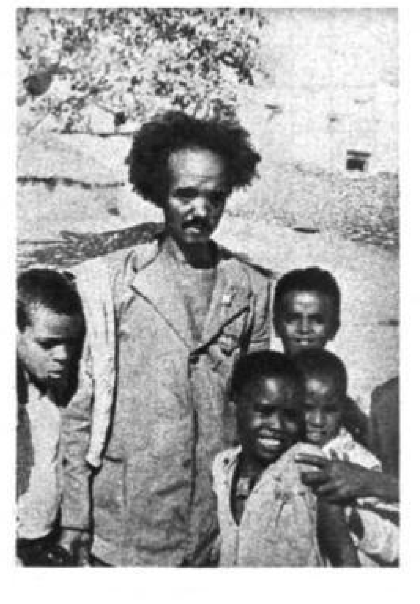
Из пролома в полуразрушенной стене на нас выжидательно глядели пять неподвижных гиен, подняв настороженно уши. Шофер направил машину прямо на них, и они испуганно отпрянули в темноту.

Пролом оказался въездом во двор. У стены, отделявшей двор от дороги, на земле стоял горящий фонарь. Он еле-еле освещал ствол поваленного дерева и кучку притихших ребятишек, сидевших прямо на земле. И тут мы заметили впереди, метрах в трех от фонаря, десяток гиен.

У фонаря сидел худощавый, лохматый человек. Он что-то крикнул в темноту, ему отозвался женский голос. И вскоре появилась женщина, которая несла на голове огромное блюдо с костями и мясом. Почуяв вкусный запах, звери стали осторожно приближаться. Женщина взяла одну кость и протянула ее передней гиене. Та сначала отпрянула назад, но затем медленно приблизилась, вытянув морду. Быстро схватив кость, гиена сразу же отскочила.

Женщина ушла, а мужчина, сидевший у фонаря, стал разговаривать со старыми: «Ардо!.. Кар!.. Меноне!.. Туруори!..»

Хищники подходили и брали из рук человека кости. Иногда звери не решались подходить близко, и он

бросал пищу в темноту. Вскоре весь небольшой двор, где сидели притихшие гости и прижавшиеся друг к другу безмолвные ребятишки, наполнился хрустом костей — хищники поедали свой ужин.

На следующий день, обходя город, мы случайно оказались в том дворе, где вчера смотрели гиен. Нам навстречу вышел худощавый мужчина с копной черных волос на голове. Это и был покровитель хищников. На лице его виднелись шрамы от укусов. Видимо, дружба с гиенами далась ему нелегко. Мы сфотографировали его вместе с восторженной детворой.

А. АБРАМОВ

жала за красную занавеску, куда убегали все артисты. На арену вышел клоун со своим петухом и начал чихать и падать, но мне было не до него. Я ни на что не хотел смотреть.

А потом объявили антракт, и все побежали в буфет пить ситро, а я тихонько спустился вниз и подошел к занавеске, откуда выходили артисты. Я стоял у занавески и глядел: вдруг она выйдет? Но она не выходила.

А когда все кончилось и мы пошли домой, я все время думал про девочку на шаре. Вечером папа спросил:

— Ну как? Понравилось в цирке?

Я сказал:

— Папа! Там в цирке есть девочка. Она танцует на голубом шаре. Она мне улыбнулась и махнула рукой! Понимаешь, папа? Пойдем в следующее воскресенье в цирк? Я тебе ее покажу!

Папа сказал:

— Обязательно пойдем. Обожаю цирк!

А мама посмотрела на нас обоих так, как будто увидела в первый раз.

И началась длиннющая неделя. Я ел, учился, вставал и ложился спать, играл и даже дрался. И все равно каждый день думал, когда же придет воскресенье, и мы с папой пойдем в цирк, и я снова увижу девочку на шаре, и покажу ее папе, и, может быть, папа пригласит ее к нам в гости.

И папа сдержал свое слово. Он пошел со мной в цирк и купил билеты во второй ряд. Я радовался, что мы так близко сидим, и начал ждать, когда появится девочка на шаре. Но девочка все не появлялась. И каждый раз, когда выходил объявляющий, я шептал папе:

— Да ну его! Это ерунда на постном масле. Это не то!

А папа говорил, не глядя на меня:

— Не мешай, пожалуйста. Это очень интересно! Самое то!

Я подумал, что папа, видно, плохо разбирается в цирке. Посмотрим, что он запоет, когда увидит девочку на шаре!

Но тут вышел объявляющий и своим глухонемым голосом крикнул:

— Ант-рра-кт!

Я просто ушам своим не поверил! Антракт? А почему? Ведь во втором отделении будут только львы. А где же моя девочка на шаре?

Я сказал:

— Папа, пойдем скорей, узнаем, где же девочка на шаре.

— Да, где же твоя эквилибристка? Что-то не видать! Пойдем-ка купим программку! — ответил папа.

Он был веселый и довольный. Он оглянулся вокруг, засмеялся и сказал:

— Ах, люблю... люблю я цирк! Самый запах этот... Голову кружит!..

И мы пошли в коридор. Там толкалось много народу и продавались конфеты и вафли. А на стенках висели фотографии разных тигриных морд. Мы побродили немного и нашли наконец контролершу с программками. Папа купил у нее одну и стал просматривать. А я не выдержал и спросил у контролерши:

— Скажите, пожалуйста, а когда будет выступать девочка на шаре?

— Какая девочка? — спросила контролерша.

Папа сказал:

— В программе указана эквилибристка на шаре Т. Воронцова. Где она?

Я стоял и молчал.

Контролерша сказала:

— Ах, вы про Танечку Воронцову? Уехала она. Что ж вы поздно хватились? Да, да, она уехала... Вместе с родителями...

Я спросил:

— А куда?

— Во Владивосток,— ответила контролерша.

Вон куда! Далеко. Во Владивосток! Я знаю, он помещается в самом конце карты, от Москвы направо.

— Ну, идите на места, пора! — сказала контролерша.

Папа подхватил:

— Пошли, Дениска! Сейчас будут львы! Косматые, рычат — ужас! Бежим смотреть!

Я сказал:

— Пойдем домой, папа.

Он сказал:

— Вот так раз!

Контролерша засмеялась. Но мы подошли к гардеробу. Я протянул номер, мы оделись и вышли из цирка. Мы пошли по бульвару. Потом я сказал:

— Владивосток — это на самом конце карты. Туда если поездом, целый месяц проедешь...

Папа молчал. Ему, видно, было не до меня. Мы прошли еще немного, и я вдруг вспомнил про самолеты и сказал:

— А на «ТУ-104» за три часа — и там!

Но папа все равно не ответил. Он молча шагал и крепко держал меня за руку. Когда мы вышли на улицу Горького, он сказал:

— Зайдем в кафе «Мороженое». Смутузим по две порции, а?

Я сказал:

— Не хочется что-то, папа.

Он сказал:

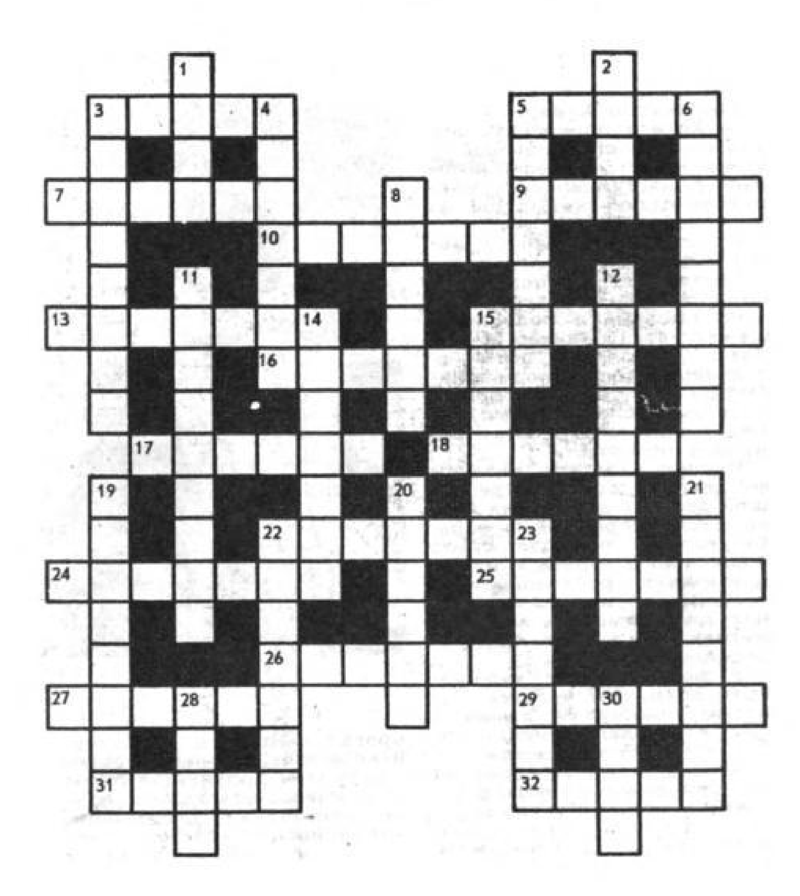
— Там подают воду, называется «Кахетинская». Нигде в мире не пил лучшей воды.

Я сказал:

— Не хочется, папа.

Он не стал меня уговаривать. Он прибавил шагу и крепко сжал мою руку. Мне стало даже больно. Он шел очень быстро, и я еле-еле поспевал за ним. Отчего он шел так быстро? Почему он не разговаривал со мной? Мне захотелось на него взглянуть. Я поднял голову. У него было очень серьезное и грустное лицо.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Одна из самых больших рек в Западной Европе. 5. Приветствие в торжественных случаях. 7. Морское рыболовное судно. 9. Список, указатель, перечень. 10. Вечнозеленый кустарник. 13. Скульптор, народный художник СССР. 15. Специальность ученого. 16. Птица. 17. Представитель коренного населения двух азиатских государств. 18. Герой поэмы А. Твардовского. 22. Старая разменная монета в России. 24. Украинский танец. 25. Холмистая возвышенность на востоке Франции. 26. Повозка, применявшаяся в гражданскую войну. 27. Марка советского автомобиля. 29. Союзная республика. 31. Опера Дж. Пуччини. 32. Духовой музыкальный инструмент.

По вертикали:

1. Пресноводная рыба. 2. Большой платок. 3. Автор романа «Буря». 4. Каменный метеорит. 5. Советский математик, академик. 6. Прядильно-ткацкие изделия. 8. Произведение Д. Фурманова. 11. Город-герой. 12. Автор картины «Письмо с фронта». 14. Ветка для прививки или посадки. 15. Хореографический ансамбль. 19. Ребро корпуса судна. 20. Режиссер фильма «Баллада о солдате». 21. Раздел механики. 22. Поэма А. С. Пушкина. 23. Метательное оружие. 28. Порт на Азовском море. 30. Футбольная команда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

6. Лобачевский. 9. Соболь. 10. Рельеф. 12. Саржа. 14. Ледокол. 15. Акробат. 16. Пласт. 19. Калач. 23. «Идиот». 24. Платина. 25. Линейка. 26. Стеллаж. 27. Грамота. 28. Хорда. 30. Лоток. 33. Гамак. 36. Динамик. 37. Виварий. 38. Пилот. 40. Долото. 41. Изотоп. 42. Иллюминатор.

По вертикали:

1. «Колокол». 2. Вальс. 3. Чехарда. 4. Астра. 5. Диалект. 7. Погода. 8. Рекорд. 11. Серафимович. 13. Лаборатория. 17. Луалаба. 18. Спиноза. 20. «Чайка». 21. Шпага. 22. Фасад. 23. Идеал. 29. Дракон. 31. Оратор. 32. Бинокль. 34. Мелодия. 35. Пирогов. 38. Полюс. 39. Тираж.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление И. Долгополова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05238. Подписано к печати 14/VI 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1007. Заказ 1470.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

2

1

Уезжая о

Уезжая отдыхать, не берите с собою много вещей — они вам не пригодятся, а тяжелый чемодан очень обременит. Возьмите самое необходимое: легкое пальто или плащ, костюм, два удобных простых платья, халат и купальный костюм. Ну, и на случай плохой погоды, брюки и вязаную кофту.

1. Платье-халат из полосатого поплина. Художник Т. Ксенофонтова.

2. Костюм для прохладной погоды. Блузка и платок из одинаковой ткани, шерстяные брюки и вязаный жакет.

3. Платье-костюм из набивного искусственного шелка отделан бей-

На первой странице обложки: Молодость.

Фото Д. Ухтомского и С. Фридлянда.

тдыхать

кой. В нем вы будете себя чувствовать удобно на вечерней прогулке. Художник Р. Малышева.

4. Лучший туалет для пляжа — пестрый ситцевый халат и купальный костюм из плотной однотонной ткани. Художник Г. Гагарина.

5. Цветная блузка и яркая набивная юбка удобны и красивы в жаркий день. Последняя оборка нижней юбки одного цвета с блузкой.

6. А в дорогу хорошо надеть легкое прямое пальто и платье из поплина. Художник А. Левашова.

На последней странице обложки: Брестская крепость.

Фото О. Кнорринга.

ена номера 30 коп.